академия мастерства

Геннадий Федотов

Русская печь

100 оригинальных рисунков, чертежей-порядовок и схем

Золотая библиотека домашнего умельца

- Техника и приемы кладки
- Способы растопки
- Изразцовая облицовка
- Роспись
- Побелка
- Изготовление дымников

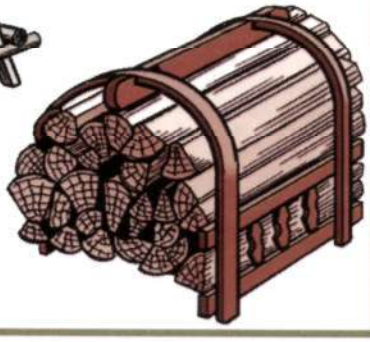
ЭКСМО

академия мастерства

Серия «Академия мастерства» — уникальный проект, посвященный народному декоративно-прикладному искусству. Автор Г. Я. Федотов — художник, журналист, педагог, всю свою жизнь посвятил изучению художественных промыслов. В его книгах читатель найдет необходимые советы и описание приемов обработки различных природных материалов, наглядные технические и художественные иллюстрации. Это настоящие практические пособия для самодеятельного творчества!

В эту серию входят следующие книги:

«Русская печь»
«Дерево»
«Глина и керамика»
«Металл»
«Камень»
«Травы»



OZON
www.ozon.ru

ISBN 5-04-008191-X
9 785040 081912 >

Посвящается печных дел мастеру
Сапогову Алексею Савватеевичу.

академия мастерства

Геннадий
Федотов

Русская печь

ЭКСМО
2003

Разработка оформления художника *А. Новикова*

Рисунки выполнены по эскизам автора

Федотов Г. Я.

Ф 34 Русская печь. — М.: Изд-во Эксмо, 2003.— 280 с, илл.

ISBN 5-04-008191-X

Печное искусство — особый вид народного творчества, имеющий богатые традиции и приемы. «Печь нам мать родная», — говорил русский народ испокон веков. Ведь с ее помощью не только топились деревенские избы и городские усадьбы — в печи готовили пищу, на ней лечились и спали, о ней слагали легенды и сказки.

Книга расскажет о том, как устроена обычная или усовершенствованная русская печь и из каких основных частей она состоит, как самому изготовить материалы для кладки и сложить печь, как сушить ее и декорировать, заготовлять дрова и разводить огонь, готовить в ней пищу и печь хлеб, коптить рыбу и обжигать глиняные изделия.

Если вы хотите своими руками сложить печь в загородном доме или на даче, подробное описание устройства и кладки подскажет, как это сделать правильно, а масса прекрасных иллюстраций поможет представить все воочию.

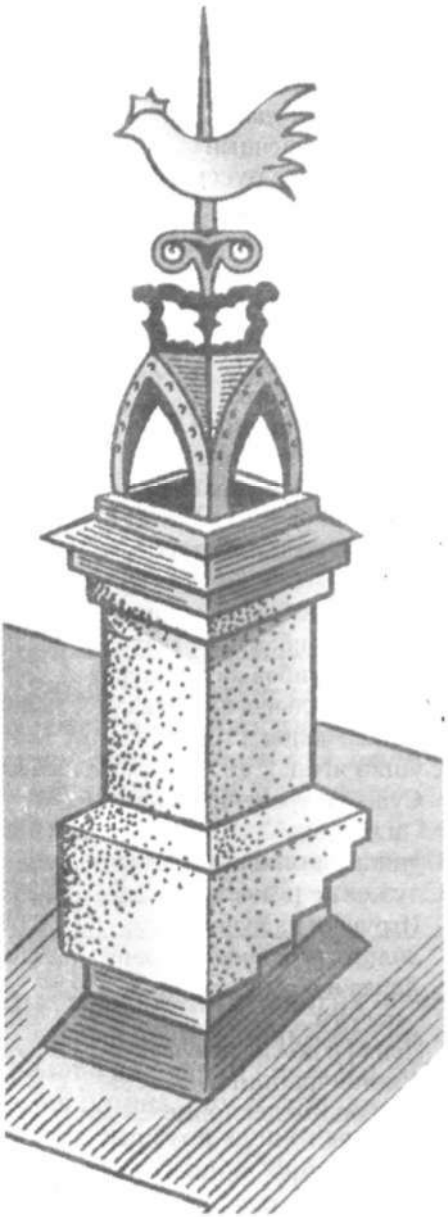
Книга рассчитана на массового читателя.

ББК 38.625

ISBN 5-04-008191-X

© Федотов Г.Я. Эскизы рисунков, 2001
© ООО «Издательство «Эксмо», 2003

Содержание



От автора 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗБЯНОЙ ПЕНАТ

Священный огонь 11
Хранитель очага 18
«Ахти мати, белая печь...» 22
Кирпичный оракул 30
Печка лечит 34
«Хорошо лежать на печке...» .. 46
Печная нежить 51
Кто в тереме живет 54

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЯД ЗА РЯДОМ

От черной до белой печки _____ 59
Устройство простой русской печи 64
Печки-лавочки 73
Заготовка материалов 75
Изготовление кирпича-сырца 76
Декоративный кирпич-сырец 81
Кладка печей из кирпича-сырца 83
Красный кирпич 86
Кладочный раствор 88
Печной инструмент 91
Приемы печной кладки 95
Колка и теска кирпича 95
Техника печной кладки 96
Следуя порядовкам (кладка печей) 98
Кладка простой русской печи 101
Усовершенствованная печь ... 112
Глинобитные печи 121
Изготовление печи в деревянной опалубке 123

Печь из глиняных брусьев .. 126
Кладка трубы 127
Распушка трубы 128
От потолка до крыши (стояк) 128
От крыши до оголовка 130
«Подвешивание» трубы 132
Просушка и пробная топка .. 134
Декоративная отделка печей 135
Притирание 135
Штукатурка 136
Побелка и окраска 136
Роспись печей 138
Изразцовая облицовка 140
Лепка глиняной модели 142
Изготовление гипсовой формы 142
Формовка изразцов 144
Резьба по глинобиту 145
Изготовление и крепление дымников 146
Фальцевые соединения 151
Изготовление воротника дымовой трубы 152
Колпак для оголовка трубы ... 154
Дымники со сводчатой крышей 155
Дымники с шатровыми крышами 157
Дымники с четырехщипцовой крышей 157
Ветрозащитные дымники 160
Короны и венцы 163
Узоры на листовой стали 163
Окраска дымников, колпаков и воротников 168

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОБРАЩЕНИЕ С ПЕЧЬЮ

Печь и погода 171
Дрова дровам рознь 177
Теплотворная способность некоторых видов топлива ... 180
Травянистое топливо 182
Заготовка дров 184
Пиление дров 188
Колка дров 191
Поленницы 195
От поленницы до печи 197
Всегда при печи (печной инвентарь) 199
В печи хозяйка (кочерга) 202
Ухват, или рогач 205
Сковородник 208
Помело 209
Совок 212
Хлебная лопата 212
Щипцы 213
Печные мехи 214
Печная посуда 215
Пенек припечный 220
Обращение с русской печью 223
Разведение огня 223
Топка русской печи 227
«Окутывание» печи 233
Выпечка хлеба 236
Русский пряник 238
Лепные пряники 239
Вырезные пряники 239
Пряники печатные 240
Выпекание и украшение пряников 244
Сушка в вольной русской печи 246
Сушка грибов на соломе 247
Сушка грибов на ветках 248
Сушка грибов на шампурах ... 248
Универсальная сушилка 250
Сушка яблок и груш 254
Сушка ягод 255
Сушка и хранение лука и чеснока 258
Сушка и копчение рыбы 260
Служение ремеслам 263
Игрушки из лучины 264
Золото, рожденное в печи 265
Лепка и обжиг глиняной посуды 270
Лепка и обжиг игрушек 273
Избяная фабрика 275
Краткое послесловие 279

Печь-краса — в доме чудеса.
Не теряй старь — она новизну держит.

Народные пословицы

ОТ АВТОРА

Согласно статистике, в России ежегодно кладут и перекладывают около трех миллионов печей. При этом у многих людей возникает вопрос о том, какую печь лучше сложить.

Книга, которую вы держите в руках, полностью посвящена шедевру печного ремесла славянского народа — *духовой печи*. В обиходе она известна как русская печь.

Согласно словарю современного русского языка, любая печь — это «сооружение для отопления помещений и приготовления пищи». Однако для русской пени такое определение подходит лишь частично.

На протяжении многих веков духовые печи использовались не только для варки пищи и обогрева жилища, но и для выпечки хлеба, пирогов, сушки зерна, рыбы, ягод, овощей, фруктов, грибов, лечебных трав и кореньев. В зимнее и осеннее время печь обогревала, просушивала и проветривала жилище. Когда домочадцам случалось заболеть, она исправно лечила практически все простудные заболевания. При необходимости печь с успехом заменяла даже парную баню, в которой парились с березовым или дубовым веником. Мало того, печь была своеобразной домашней метеостанцией, довольно точно предсказывающей погоду. Мало кому известно, что русская печь способствовала возникновению и развитию многих народных промыслов. Впервые деревянная посуда с золотой хохломской росписью вышла из русских печей заволжских дре¬воделов. В горниле русской печи народные мастера и по сей день закаляют вылепленные из глины игрушки.

В долгие зимние вечера печь собирала вокруг себя домочадцев, которые занимались каким-нибудь ремеслом, а заодно рассказывали детям сказки и загадывали загадки. Как неотъемлемая

часть жизни большинства народа, русская печь оказала большое влияние на его обряды и традиции. Оттого так часто упоминается она в песнях, сказках, былинах, пословицах и поговорках.

Эта книга не только для тех, кто решил класть в своем доме самостоятельно русскую печь, но и для тех, у кого она уже есть, но они по каким-либо причинам не знают обо всех ее возможностях. Думается, что ее с интересом прочтут также читатели-горожане, которые знакомы с русской печкой только понаслышке.

часть 1

Избяной пенат

- **СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ**
- **ХРАНИТЕЛЬ ОЧАГА**
- **«АХТИ МАТИ, БЕЛАЯ ПЕЧЬ...»**
- **КИРПИЧНЫЙ ОРАКУЛ**
- **ПЕЧКА ЛЕЧИТ**
- **«ХОРОШО ЛЕЖАТЬ НА ПЕЧКЕ...»**
- **ПЕЧНАЯ НЕЖИТЬ**
- **КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ**

В глубокой древности каждый род славян имел своего пената, и этим пенатом был очаг.

А. Н. Афанасьев

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ

В одной старинной загадке-притче говорится: «В теплом царстве стоит пещера каменная, а в пещере лютый змий; и как бывает в царстве том стужа, змий раскручинится, и начнет у него изо рта пламень огненный исходити и из ушей кудряв дым метатися, а из очей искры сыплются». Не трудно догадаться, что в этой загадке, изобилующей метафорическими образами, речь идет о русской печи, которая сравнивается в ней с каменной пещерой. «Теплое царство» — это крестьянская изба, в которой стоит русская печь. В топливнике этой печи есть небольшое углубление, называемое горнушкой или порском. В этом углублении под слоем золы до следующей растопки лежит раскаленный древесный уголь - притаившийся «лютый змий». Если в избе становится холодно («как бывает в царстве том стужа»), то в печи от сохранившихся в горнушке угольев разжигают огонь и кладут сухие дрова. Когда сизый дым завьется над поленьями, а затем с веселым треском загорятся в печи дрова, пылающий огонь сравнивают со сказочным огненным змеем. Недаром в древних мифах огонь нередко обретал образ Огненного змея, спустившегося с небес на землю.

В представлениях древних славян огонь относили к основным стихиям мироздания. Народная мудрость гласит: «Огонь — царь, вода — царица, земля — матушка, небо — отец, ветер — господин, дождь — кормилец, солнце — князь, луна — княгиня».

На первом месте в этом списке огонь оказался не случайно. Огонь согревал и освещал жилище, на нем готовили пищу, к тому же он воспринимался как посредник между богами и человеком. Немудрено, что к нему относились со священным трепетом и поклонялись как божеству. Вместе с ним предметом поклонения было *огнище,* или *очаг,* в котором этот огонь постоянно хранили и поддерживали. Таким очагом на Руси издревле была *русская духовая печь,* о которой в народе говорили: «Печка кормит, печка греет, печка — мать родная».

Живой огонь. Огонь, в том числе и тот, который находился постоянно в печи, представлялся нашим предкам живым существом. Так же как и человек, он ест, пьет и спит. При хорошем уходе он бывает добрым, ласковым и покладистым. Но не дай бог разгневать его. Тогда он может выйти из подчинения, подпалить в горшках варево, обуглить хлебы, зажечь в трубе сажу и даже спалить дом дотла.

Святотатством считалось плюнуть в печной огонь или залить его водой. По убеждению крестьян, у человека, совершившего подобные проступки, непременно должны были заболеть руки, а на губах и языке появиться плохо заживаемые язвы. Если неряшливая хозяйка после расчесывания бросит в горящую печь собравшиеся на гребне волосы, то в наказание за это у нее будет долго и сильно болеть голова.

Огонь не прощал тем хозяевам, которые бездумно раздавали соседям из печи горячие уголья, чтобы те разожгли от них свою печь. Вместе с угольями дом могли покинуть счастье и благополучие. В самых крайних случаях, когда у соседей было безвыходное положение, уголья все же одалживали, но с условием, чтобы их вернули сразу же после того, как они смогли разжечь свою печь. Однако в те дни, когда крестьяне выезжали в первый раз в поле на весеннюю пахоту, огонь из печи нельзя было выносить ни под каким предлогом. Считалось, что огонь домашнего очага способствует преумножению и сохранению урожая. Если в эти дни одолжить угольков соседу, то хлеб не уродится либо будет потрава. А у соседа, сумевшего выпросить уголья, наоборот — ожидается богатый урожай.

У каждого народа были такие особые дни, когда крестьяне категорически отказывались давать уголья из своего очага соседям, даже если те мерзнут от холода. Например, в Шотландии такими днями были первый день Нового года и Рождества, также первый понедельник после Нового года и третье мая. В эти дни за угольями друг к другу лучше не приходить — бесполезно, не дадут, поскольку считалось, что, взяв из очага, любой недоброжелатель может совершить колдовство и навести порчу на домочадцев. Зато была открыта дверь каждому, кто приносил с собой кусочек угля и бросал его в очаг, высказывая пожелание, чтобы огонь в этом доме никогда не угасал.

Вообще же, за огоньком к соседу, как правило, ходили безалаберные и никчемные хозяева. У всех народов к ним было пренебрежительное отношение. Например, дагестанский писатель Р. Гамзатов писал: «Когда горец хочет сказать о себе хорошее и попросту похвалиться, он говорит: «Ни к кому еще не приходилось мне ходить за огнем».

С наступлением сумерек от углей, хранящихся в печи, зажигали осветительные лучины, свечи и керосиновые лампы. Прежде чем вынести огонь из печи в избу, старшая женщина творила молитву. В это время нельзя было не только ссориться, но и громко

разговаривать. Если же кто-либо из домочадцев нарушал этот запрет, то старшая женщина говорила с укоризной: «Угомонитесь, охальники. Огонь зажигают, а вы перебранкой занимаетесь. Огонь гневить — грех великий, кабы беду не накликать!» Все сразу умолкали, ведь с огнем шутки плохи.

Чтобы внушить почтение к огню малым детям, взрослые рассказывали им такую нравоучительную сказку: «Зажглись на чужом дворе два огня и стали между собой разговаривать.

— Ох, брат, погуляю я на той неделе! — говорит один.

— А разве тебе плохо?

— Чего хорошего: печь затапливают — ругаются, вечерние огни затепливают — опять бранятся...

— Ну гуляй, если надумал, только моего колеса не трогай. Мои хозяева хорошие: зажигают с молитвой и погасят с молитвой.

Не прошло недели, как один двор сгорел, а чужое колесо, которое валялось на дворе, осталось целым».

Печь и сновидения. Как следует из притчи, хорошие хозяева могли спать спокойно и видеть хорошие сны. Большим благом считалось увидеть во сне огонь. Ярко пылающий огонь обещал, как сказано в старинном соннике, «неуменьшающуюся радость». Таким же хорошим признаком было и то, если приснится печь. Горящая печь предвещала благополучие и уважение окружающих, очень красивая — выгоды. Если приснится, что разводишь в печи огонь, то значит, задуманное накануне предприятие обязательно осуществится. Тот, кому придется печь во сне хлебы, будет «иметь в руках свою судьбу». Тот же, кому только лишь придется наблюдать за процессом выпечки хлеба, должен быть готов к тому, что в доме произойдет какое-нибудь торжественное событие.

Хорошим признаком считалось увидеть во сне печную трубу, поскольку это предвещало впереди большой заработок. А если из трубы к тому же валил густой черный дым, ожидаемое благополучие не должно покинуть человека многие годы. Всякому, кому во сне приходилось класть печь, сонник обещал в старости «приятные неожиданности». А печной горшок обещал преумножение имущества.

Однако если случалось увидеть в сновидениях холодную или падающую печь, то следовало ожидать неприятностей. Ничего хорошего не сулил и разбитый печной горшок.

Жертвы огню. Опытные хозяйки старались задобрить печной огонь. У славянских народов существовал обычай от каждого горшка пищи, приготовленной в печи, первую ложку приносить в жертву огню. Когда наступала пора затворять в квашне тесто для хлебов, от него отщипывали небольшой кусочек и бросали его в огонь. Когда же пекли блины, то первый блин также бросали в огонь. Чтобы предохранить дом от пожара, время от

времени огню скармливали небольшие кусочки сала.

В день зимнего солнцеворота, когда солнце поворачивало на лето, а зима на мороз, западные славяне совершали обряд почитания огня домашнего очага. Жарко растопив печь, в пламя бросали толстый дубовый кряж, так называемый бодняк. Затем накрывали стол и устраивали пиршество, почетным участником которого считался огонь очага. Пирующие бросали в него зерна и мелкие монеты, соль, муку, лили вино и масло. При этом они просили у огня семейного благополучия, богатого урожая и удачи во всем. Брошенный в огонь дубовый кряж постепенно обгорал и превращался в большую головешку, покрытую панцирем из раскаленного угля. Чтобы бодняк продолжал гореть дальше, нужно было сбить с него уголь. Кто-нибудь из домочадцев брал кочергу и ударял ею по головешке, от которой во все стороны разлетались многочисленные искры. После каждого удара пирующие приговаривали: «Сколько искр в печи, столько коров в хлеву...» При этом перечислялись лошади, овцы, свиньи, козы и другая домашняя живность.

Накануне Рождества в богатых городских домах, а также в помещичьих усадьбах в печь клали так называемое «рождественское полено». Пока оно горело, согласно древнему обычаю, хозяева обязаны были угощать вином истопника, следящего за печью. На это время слуга-истопник становился как бы жрецом огня, его хранителем. Как только полено сгорало, он терял все привилегии. Поэтому истопники были заинтересованы, чтобы «рождественское полено» горело как можно дольше. Уже в самом начале они старались положить толстый кряж, пронизанный мощными смолистыми сучками.

Роды на печи. Порой русский крестьянин рождался на печи и умирал на ней. В младенчестве она была ему колыбелью, а в старости больничной койкой. После кончины печь провожала его душу на небеса. Если крестьянке в зимнее время приходилось рожать на печи, роды у нее принимала бабка-повитуха, которая была в каждой деревне. В это время родственники роженицы следили за огнем в печи и поддерживали его. Согласно поверью, огонь очага связан с человеком невидимыми нитями.

По тому, как горел огонь, судили о здоровье будущего ребенка.

Если дрова горели дружно, родившийся человек будет умным, здоровым и работящим. Вяло горящие дрова предрекали обратное, а если они вдруг гасли, то это считалось верным признаком того, что новорожденный — не жилец на белом свете.

Немудрено, что за печью следили как за зеницей ока. И сухие дровишки на этот случай находились даже у самого нерадивого хозяина. Считалось, что родившегося на печи ребенка в будущем ожидала интересная и счастливая жизнь, ведь матушка-печь наделяла его боль-

шой жизненной силой. В народных сказках животворящая сила русской печи была настолько чудесной, что положенный на нее чурбан мог легко превратиться в младенца, из которого потом вырастал могучий богатырь. В одной из таких сказок говорится: «Жила-была старуха, детей у нее не было. В одно время пошла она щепки собирать и нашла сосновый чурбан; воротилась, затопила избу, а чурбан положила на печку и говорит сама с собою: «Пускай высохнет, на лучину сгодится!» А изба у старухи была черная; скоро щепки разгорелись, и пошел дым по всей избе. Вдруг старухе послышалось, будто на печи чурбан кричит:
— Матушка, дымно! Матушка, дымно!

Она сотворила молитву, подошла к печке и сняла чурбан, смотрит — что за диво? Был чурбан, а стал мальчик. Обрадовалась старуха: «Бог сынка дал!» И начал тот мальчик расти не по годам, а по часам, как тесто на опаре киснет; вырос и стал ходить на дворы боярские и шутить шуточки богатырские: кого схватит за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь, кого за голову — голова долой!»

Забавы у печки. Всю жизнь печь была рядом с крестьянами, как в будни, так и в праздники. Рядом с нею проходили детство и юность. Когда на дворе выла вьюга или трещал такой лютый мороз, что нельзя было из избы высунуть и носа, дети оставались дома и затевали игры около печи. Один делал из щепы забавные игрушки, другой мастерил балалайку и напевал под ее негромкие звуки неизвестно кем сочиненные шуточные песенки:

Трынди, брынди, балалайка,
Не моя жена Паранька,
Моя — Настенька,
Распузастенька,
В трубу лазала,
Титьки мазала.
Выходила за ворота
Всем показывала...

Разумеется, этими шуточными песенками репертуар не ограничивался. С удовольствием пели и протяжные народные песни. Здесь же, у печи, под завывание ветра в трубе рассказывали сказки и разные страшные истории.
Во время игры у печи кто-то придумал такую считалку:

Гори, дрова, жарко,
Придет Захарка
На писаных санках,
Сам на кобыле,
Жена на корове,
Детки на телятках,
На пегих собачках.

Свадебные обряды. Когда приходила пора сватовства, русская печь становилась будущим символом домашнего очага жениха и невесты. Поэтому ее не могли оставить в стороне при совершении брачных обрядов. Наравне с печью в них участвовали также такие постоянные ее спутники, как помело и кочерга.

Помело символизировало чистоту и порядок, поскольку использовалось для очистки пода и шестка, а кочерга — домовитость и достаток.

Кочерга и метла напоминали невесте, что молодая хозяйка должна быть домовитой, а в избе — чисто, сытно и тепло. Это соответствовало крестьянскому идеалу, выраженному в народной пословице: «Добрая жена да жирные щи — другого не ищи». Поэтому, отправляясь сватать невесту, крестьяне брали с собой кочергу и помело, связанные веревкой или лентой. Считалось, что брачные узы должны быть такими же прочными, как узел, связывающий кочергу и помело.

Чаще всего свадьбы играли осенью, когда был собран новый урожай и крестьяне были свободны от полевых работ. В день сватовства печь в доме невесты становилась участницей своеобразной пантомимы. Как только сваха переступала порог, она начинала потирать руки, словно сильно озябла, и, не говоря ни слова, подносила их к устью печи. Согрев руки, она дипломатично издалека начинала разговор. Однако ее поведение уже говорило присутствующим, о чем пойдет речь.

Когда же из слов свахи становилось известно имя жениха, несложная пантомима разыгрывалась уже невестой. Если она присаживалась у печи и начинала как бы машинально ковырять облупившуюся глину, свахе, да и родителям, становилось ясно, что она согласна пойти под венец.

В некоторых губерниях при появлении свахи или сватов невеста сразу же забиралась на печь, как бы прося у нее защиты. Если объявленный жених был ей не люб, то, несмотря на уговоры сватов, она отсиживалась на печи до тех пор, пока те не покидали дом. Если невеста спускалась с печки, то это было знаком того, что она готова выйти замуж.

Если дело сладилось и сватовство прошло удачно, свадьбу старались приурочить к празднику. Нередко свадьбы играли на Казанскую (4 ноября). Старики говорили: «Кто на Казанскую женится, тот счастлив будет».

Перед венцом невесте и жениху полагалось попариться каждому в своей бане или же в печи. В этот день печь в избе топили, не жалея дров. Считалось, чем жарче огонь, тем сильнее любовь и прочнее семейное счастье. Тому человеку, который топил печь, строго наказывали не разбивать кочергой головешек, чтобы будущий муж не бил молодую жену.

Когда приходило время залезать в печь, жениху ставили в ней кружку пива, а невесте — жбан квасу. Разумеется, напитки подавались в печь не для того, чтобы пить: в них опускали небольшие венички, брызгали ими на стенки и своды, отчего топливник печи заполнялся густым душистым паром. Считалось, что от такого пара кожа очищается, становится белой, мягкой и здоровой. Для невесты мытье в печи было также прощанием с очагом родного дома, получение от него своеобразного благословения на будущую семейную жизнь.

Когда невеста отправлялась к венцу, она дотрагивалась до печки, чтобы узнать, какая у нее будет свекровь. Если печь была еще теплой, то свекровь будет доброй,

а если уже остыла — неприветливой и злой.

После венца новобрачные отправлялись в дом мужа. Войдя в дом, молодая снимала с себя поясок и бросала его на печь. Это было знаком того, что отныне она вступает в семью мужа под защиту его очага. В Вологодской губернии, чтобы приобщиться к дому мужа и его очагу, молодая должна была посмотреть на печь и трижды обойти вокруг стола.

У западных славян приобщение к супружескому очагу происходило несколько иначе. Как только молодая переступала порог, она вытаскивала из горящей печи полено, обгоревшее только с одного конца. Обойдя три раза вокруг печи, она трижды резко встряхивала полено так, чтобы от него в разные стороны разлетелись искры. Согласно старинной примете, чем больше искр, тем больше будет детей и изобильнее жизнь. После этого молодуха бросала полено обратно в печь.

На Украине, наоборот, молодухе запрещалось смотреть на печь и заглядывать в ее устье, поскольку боялись, что она может навредить свекру и свекрови. Взглянув на устье печи, она могла про себя произнести: «Велика яма, сховается тато и мамо». Пройдет некоторое время, и «тато и мамо», то есть свекор и свекровь, вскоре умрут. Чтобы оградить их от возможных козней невестки, присутствующие на свадьбе женщины загораживали печь плотной живой стеной.

Накануне свадебного застолья печке приходилось изрядно потрудиться. Варили холодец, пекли пряники, пироги... Шаркала в печи кочерга, лязгали ухваты, ударяясь о бока горшков и чугунов, гремели противни... С самого раннего утра до поздней ночи хлопотала у печи хозяйка со своими помощниками.

Свадебное застолье начиналось с печки, печкой и кончалось. Даже танцевать, и то приходилось от печки. Когда наступала пора расходиться, гостям подавали горшок каши и разгонные пряники. Когда последнее угощение съедали, кто-нибудь из гостей с силой бросал пустой горшок в печь, приговаривая: «Сколько черепья, столько молодым ребят!» Если горшок разбивался на множество мелких черепков, это сулило молодой семье многочисленное потомство.

Печь была с домочадцами не только в радости, но и в горе. Как только человек умирал, в доме немедленно открывали печную трубу, чтобы выпустить душу покойного на небеса. На русском Севере у печи совершали специальный обряд. Он описан Н. Клюевым в одном из стихотворений:

Четыре вдовы в поминальных
платках:
Та с гребнем, та с пеплом,
с рядниной в руках;
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как допрежь, сытовые хлебы пекла.
Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец,
на погост...
Хрущатой рядниной покрыли скамью,
На одр положили родитель мою...

Почти повсеместно существовал обычай: после похорон, едва пе-

реступив порог дома, прикладывали ладони к печи и грели руки. Если печь в это время топилась, к ее устью подносили, потирая, руки... Это делалось для того, чтобы ненароком не занести в дом смерть. Очень впечатлительные люди заглядывали в устье печи и смотрели на живительный огонь, который помогал освободиться от гнетущего чувства страха.

ХРАНИТЕЛЬ ОЧАГА

В каждой крестьянской семье бессменным покровителем и хранителем очага издревле считался домовой. Он незримо покровительствовал не только огню русской печки, но также дому и его обитателям, домашнему скоту, полям и садам, храня их от воров и недоброго глаза. В одном из стихотворений А.С.Пушкина к домовому обращены такие слова:

Поместья мирного незримый
покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий
садик мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный
хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снега
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж,
в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!..

Хотя домовой был невидимым, иногда он все же появлялся перед некоторыми домочадцами в образе маленького сухонького старичка с седыми всклокоченными волосами на голове и свалявшейся бородой. Считалось, что он любит полакомиться кашей и вздремнуть в теплом уголке на печи. В зависимости от расположения духа, он мог жить и на шестке, и в подпечке, и за печью. Поэтому в старину был обычай бросать за печку сметаемый с шестка мусор, «чтобы не переводился домовой».

На Руси домового называли хозяином, кормильцем, доброхотом, доброжилом, добродеем. Люди верили в его доброту и справедливость.

Домовой не только присматривал за огнем, печью, домом и хозяйством, но и зорко следил за поведением каждого домочадца. Если, к примеру, нерадивая хозяйка не соизволила привести избу в порядок (не подмела пол или не вымыла посуду), то не миновать ей справедливой кары. Разгневанный домовой мог сорвать с нее ночью одеяло, а то и того хуже, сбросить неряху с кровати на пол.

Чистоплотной и аккуратной стряпухе домовой всячески выказывал свое расположение. Он незримо помогал ей раздувать в печи уголья или же высекать огонь с помощью огнива. Да мало ли в какой помощи нуждалась хозяйка. Но если баба с утра ходила по избе

растрепанной и все у нее валилось из рук, домовой целый день не давал ей покою. То он наступал ей на подол так, что бедная баба падала на ровном месте, то дергал ее за растрепанные волосы. А когда она в таком виде доставала из печи чугунки или раскаленные уголья, то мог подпалить ей свисающие космы. Сплетницам, любившим точить лясы и перемывать соседям косточки, домовой насылал типун на язык — болезненный прыщик, который мешал не только говорить, но и есть. Такую же награду получали заядлые сквернословы, ведь ругаться в избе, где стоит печь, считалось большим грехом. Перепивший хозяин дома тоже нередко ощущал на себе «ласку» домового. Среди ночи вдруг наваливался он на пьяного человека и душил, не давая ему продохнуть, до тех пор, пока несчастный не просыпался в холодном поту. С глубоким презрением домовой относился к лежебокам, особенно к лежебокам-печепарам, которые валялись на печи, не зная меры. Однако остается загадкой: почему он позволял Емеле-дураку лежать на печи сколько душе было угодно. Чем ему потрафил этот знаменитый лодырь?

Домовой всегда заранее узнавал об опасности, которая подстерегала хозяина и его домочадцев. Если семья была дружная, трудолюбивая и жила с ним в ладу и согласии, домовой старался предостеречь ее от грядущих несчастий. Забравшись за печку, в подпечек или трубу, он плакал, стонал и охал так, что крестьянам чудились в этих звуках тревожащие душу слова: «Ух, к худу! Ух, к худу!» Встревожится тогда хозяин, поспешит проверить, все ли в его хозяйстве ладно. И смотришь, обнаружил какой-нибудь изъян. Стоило его устранить, как все опять шло своим чередом.

Случалось, что в семье к домовому относились пренебрежительно, домочадцы без конца ссорились, а хозяйство велось из рук вон плохо. Во время очередной ссоры выведенный из терпения домовой начинал швырять из печи горящие дрова, выбивать из печной кладки кирпичи, бить горшки.

Большинство крестьян не сомневались в справедливости домового и в случае подобных выходок старались изменить свое поведение. Мало того, чтобы незримый покровитель не обиделся и не покинул дом, его задабривали и оказывали всяческие почести. В те дни, когда пекли хлебы, домовому клали за печку специально испеченные крошечные хлебцы.

В трудные минуты жизни к домовому даже обращались за помощью. Случалось, что хозяин уходил в город на сезонные работы или уезжал туда с предназначенным на продажу обозом зерна. Если он не возвращался в намеченный срок, встревоженная хозяйка становилась перед печью и «вопила» (слезно просила): «Дым — домовой, верни хозяина домой!»

Раз в году, на Ефремов день (7 февраля), на Руси повсеместно отмечались именины домового.

Старые люди говорили: «Ефрем Сирин, запечник, прибаутник, сверчковый заступник». Одному богу известно, каким образом христианский святой превратился в домового-запечника, покровителя сверчков. В этот день домовой капризничал, уходил на двор и потешался там над домашними животными. Порой он был не прочь сыграть злую шутку даже над самим хозяином.

Чтобы задобрить домового, в каждой избе после ужина хозяева ставили в загнетку горшок каши. Она была предназначена специально для домового. Задвигая горшок с кашей в печь, смоленские крестьяне приговаривали: «Хозяинушка, батюшка, хлеб-соль прими, скотинку води». На русском Севере домовому при этом говорили: «Домовишко-дедушка, всех пои, корми овечушек, ладь ладно, а гладь гладко и стели им мягко». А чтобы каша раньше времени не простыла, горшок вокруг обкладывали раскаленными углями. В полночь, когда в доме все засыпали, домовой выходил из-за печки, открывал заслонку, доставал из загнетки горшок с кашей, садился на шесток и съедал всю кашу до дна, без остатка. После трапезы домовой вновь обретал доброе расположение духа.

Был еще один день в году, когда на домового нападала грусть-тоска. Это случалось 1 апреля. Плохое настроение у домового в этот день крестьяне объясняли тем, что он менял шкуру, чтобы жениться на кикиморе. Но, видимо, у него не все ладилось, поэтому он злился, выламывал из печки кирпичи, бил посуду, разбрасывал в избе вещи, подкатывался под ноги домочадцам, чтобы они падали на ровном месте. Да мало ли какие неприятности мог учинить в этот день домовой

Считалось, что домовой не в силах навредить только тому человеку, который не поддается обману, а также тому, кто сумел в этот день обмануть другого. Поэтому в этот день повсюду соблюдали обычай обманывать друг друга, чтобы оградить себя от козней домового. Имевший когда-то магическое значение обычай постепенно превратился в праздник розыгрыша и шутки. Если человеку удается в этот день кого-нибудь обмануть, он говорит ему с шутливой назидательностью: «Первый апрель — никому не верь!» На следующий день все возвращалось на свои места, а домовой с прежним рвением продолжал охранять огонь в печи, опекать домочадцев и следить за хозяйством.

Когда же изба от старости ветшала, хозяева переезжали в новый дом, в котором была сложена заранее новая печь. По мнению селян, переезд из старого дома в новый был опасным делом. Нечистая сила не любила обновления и строила хозяевам при переезде всяческие козни. Поэтому деревенские колдуны советовали новоселам перебираться в новую избу в ночь перед новолунием. Считалось, что именно в это время всякая нечисть теряет свою активность, становит-

ся вялой и не в силах осуществлять свои злые умыслы.

Перед тем как перебраться в новый дом, в него впускали кошку и, если с ней ничего не случалось, переводили во двор скотину. Семья же не могла перебраться на новое место жительства до тех пор, пока в избу не будет переправлен хранитель очага дедушка-домовой. Но чтобы переселить его со старой печи на новую, нужно было исполнить особый обряд. Начинался он с того, что ближе к обеду самая старшая в семье женщина, так называемая большуха, топила печь и сгребала в загнетке кучкой раскаленные уголья. Как только наступал полдень, большуха ссыпала пылающие жаром уголья в глиняный горшок. Ставила его на шесток и накрывала сверху чистой скатеркой. Затем она раскрывала настежь дверь и говорила в сторону печи, обращаясь к притаившемуся там домовому:

— Добро пожаловать, дедушка-домовой, в новое жилье.

При этих словах она указывала глазами на горшок. Домовой безмолвно принимал ее приглашение. Горшок с углями становился теперь для него чем-то вроде кареты, в которой он, невидимый человеческому глазу, должен был проследовать на новое место жительства. Между тем большуха ставила горшок на хлебную лопату и выходила во двор. Осторожно, боясь потревожить домового, несла она горшок к воротам нового дома. Там ее уже ожидали остальные члены семьи во главе с хозяином. В его руках на чистом полотенце были хлеб-соль.

— Рады ли гостям? — спрашивала встречающих большуха.

— Милости просим, дедушка-домовой, к нам на новое жилье, — низко кланяясь, говорил в ответ хозяин. Затем он становился впереди большухи, а за ними сзади пристраивалось все остальное семейство. После этого вся процессия медленно и торжественно следовала к крыльцу нового дома. Войдя в избу, большуха ставила горшок на шесток новой печи. Затем, сняв с горшка скатерку, трясла ею поочередно во все углы, как бы стряхивая невидимого домового. Отпустив домового, большуха высыпала раскаленные уголья из горшка, стоявшего на шестке, в горнушку, или порсок. Чтобы уголь не перегорал, его покрывали сверху слоем сухой древесной золы, которую предусмотрительно приносили с собой из старого дома. Считалось, что вместе с огнем в печке поселился домовой. С этого момента он становился верным и бессменным хранителем домашнего очага. Горшок, в котором были принесены уголья, нельзя было использовать в хозяйстве. Поэтому его тут же разбивали, а черепки бережно собирали и зарывали рядом с домом у красного угла, в котором обычно висела икона с лампадой.

Начиная обживать новый дом, необходимо было прежде всего растопить печь от угольев, принесенных из старой печи. Присыпанные золой уголья выгребали из горнушки на середину пода. Положив сверху бере-

сту с тонкими лучинками, раздували огонь и топили печь сухими березовыми дровами. Закончив топить печь, часть угольев убирали в горнушку и присыпали сверху золой. Остальной уголь вместе с золой выгребали из печи. Под подметали березовым или сосновым помелом и сажали в печь хлебы.

Когда в положенный срок испеченные хлебы вынимали, каждую ковригу внимательно и придирчиво осматривали. Если корки у них были чистыми и гладкими, то это предвещало хорошую и спокойную жизнь в новом доме с новой печью. Если все же хотя бы на одной из ковриг обнаруживалась глубокая трещина, то это было плохим знаком: либо вскоре новый дом по каким-либо причинам придется покинуть, либо в него в скором времени может прийти беда.

В этих случаях обращались за помощью к домовому. Ковригу с трещиной не трогали три дня. На четвертый день устраивали обильный ужин. Бракованную ковригу разрезали на куски по числу домочадцев. Сверх того должно было остаться две горбушки: одна — для духа огня, а другая — для домового. Первую горбушку завертывали в чистую ткань и убирали на постоянное хранение в укромное место. Горбушку для домового оставляли на столе, а рядом с ней ставили чарку вина. Каждый из взрослых участников застолья, прежде чем выпить, должен был чокнуться с чаркой домового, который, как полагали, незримо присутствует за столом.

Когда ужин заканчивался, горбушку, предназначенную домовому, три раза солили, втыкали в нее ребром серебряную монетку и клали на печь. Рядом с ней хозяин ставил наполненную до краев чарку, приговаривая: «Хозяин-батюшка, сударь-домовой, меня полюби да домочадцев пожалуй, мое добро береги, мою скотину береги, мое угощение прими и вина отпей от полной чаши». Произнося эти слова, хозяин кланялся печке по три раза с трех сторон: сначала перед челом, потом с левой и с правой стороны. Затем он брал кошку, сажал ее на печку и говорил незримому домовому: «Дарю тебе, домовой-батюшка, мохнатого зверя на богатый двор».

Надо полагать, что после такого внимания и почтительного отношения домовой размягчался и добрел, делая все для того, чтобы благополучие, мир и согласие не покидали дом, в котором ему предстоит быть хранителем очага долгие годы.

«АХТИ МАТИ, БЕЛАЯ ПЕЧЬ...»- (Заговоры и магические обряды)

Испокон веку крестьянина в его нелегкой жизни ожидало множество несчастий: болезни, неурожаи, падеж скота и многое другое. Считалось, что большинство болезней и злоключений происхо-

дит от сглазу. Посмотрел кто-то на человека недобрым глазом, и здоровяк превращается в считаные дни в настоящую развалину. Многие верили, что порчу по злому умыслу напускали на человека местные колдуны и нечистая сила.
Чтобы упредить всевозможные неприятности или избавиться от тех, которые уже произошли, прибегали к помощи специальных магических обрядов, имеющих различную степень сложности. Простые обряды при необходимости мог совершать почти любой человек, а вот более сложные были под силу только знахарям и колдунам.

Так уж исстари повелось, что знахарство было преимущественно женским занятием, а большинство обрядов совершалось около русской печи.

На это время ее шесток превращался в своеобразную лабораторию. Знахарка ставила на него посуду с водой или травяными настоями, клала древесный уголь, золу, печину, соль, лук, хлеб, предназначенные для наговора. Прежде чем приступить к заговору, знахарка придирчиво проверяла, хорошо ли закрыта печная труба. Ведь, если во вьюшке или задвижке оставалась хотя бы малейшая щель, слова произносимого заговора могли просочиться в нее и выйти через печную трубу наружу. А это значило, что вместе со словами в трубу могла вылететь заключенная в них магическая сила.

Убедившись, что «утечки» не будет, знахарка становилась лицом к шестку, что-то переливала, что-то смешивала, а потом шепотом произносила слова заговора. Дальше она поступала так, как требовал конкретный случай.
Заговор от сглазу. Приступая к снятию порчи, знахарка доставала из печи три уголька и просила, чтобы ей принесли чашку «непитой» воды. «Непитой» считалась вода в ведре, из которого никто из домочадцев не успел еще напиться. Поставив чашку с водой на шесток, знахарка клала в нее вынутые из печи угольки, добавляла щепоть соли и произносила заговор. Затем она дула на воду три раза и три раза плевала в сторону. С готовым снадобьем она выходила к больному и внезапно спрыскивала его, а потом давала отхлебнуть из чашки три глотка. Смочив больному рубашку, она протирала ему грудь в области сердца и лицо. Оставшееся в чашке снадобье знахарка выплескивала на притолоку — верхний косяк в дверях.

В старые годы многие женщины могли самостоятельно отводить порчу от близких. Даже отправляясь в дорогу, брали с собой кусочек четвергового угля (вынутого из печи в Великий четверок, то есть в четверг на Страстной неделе перед Пасхой), а также соль и печинку, или опечину (кусочек глины, отломленный от русской печи). Один из наиболее распространенных способов снятия порчи описан П. Мельниковым-Печерским в романе «На горах»: «Оставшись с Дуней, Дарья Сергеевна раздела ее

и уложила в постель. В соседней горнице налила она с молитвой в полоскательную чашку чистой воды на уголь, на соль, на печинку — нарочно на всякий случай ее с собой захватила, — взяла в рот той воды и, выйдя к Дуне, невзначай спрыснула ей лицо, шепотом приговаривая:

— От стрешнего, поперечного, от лихого человека, помилуй, господи, рабу свою Евдокею!..»

В деревнях нередко применяли другой способ снятия порчи. На тряпицу высыпали немного золы, клали несколько кусочков древесного угля и печины. Все это завязывали в узелок и относили на перекресток дорог. Считалось, что порча останется навсегда на перекрестке вместе с золой, углем и печиной.

По мнению родителей, больше всего от дурного глаза страдали дети. Если ребенок долго не ходил и не говорил, то это означало, что его кто-то сглазил. Когда наступала пора печь хлеб, молодая мать по совету старших женщин должна была совершить у печи специальные магические действия. Перед тем как посадить хлебы в печь, она накрывала ребенка на несколько секунд порожней квашней. Когда же из теста были сформованы ковриги, мать смачивала их водой и отправляла в печь. Оставшейся водой она обмывала руки ребенка и приговаривала: «Как мои хлебы кислы, так и ты, мое дитятко, кисни (полней); как мои хлебы всходят, так и ты ходи; как я, мое дитятко, говорю, так и ты говори».

Считалось, что от воздействия дурного глаза дети становились плаксивыми и плохо спали, терзаемые ночными демонами, которых в народе называли *ночницами* или *криксами*. Похожие на летучих мышей, они проникали в избу через открытое окно или дверь и вились над колыбелью. Испуганный ребенок плакал и кричал. И тогда мать обращалась за помощью к печке. Она смазывала стопы ребенка растительным маслом и прикладывала их к печному столбу. Во время этого действа она поднимала ребенка вверх так, чтобы он переступал ножками, а на печном столбе оставались следы, ведущие к потолку. При этом мать приговаривала: «Полуночница ночная, полуденница денная, не тронь моего, не ворошь моего, а то сожгу твоего».

Другой способ избавления от ночных демонов заключался в следующем. Еще до восхода солнца мать затапливала печь. Когда дрова разгорались, она подносила ребенка к устью печи и, слегка постегивая его по ягодицам сосновой веткой от помела, приговаривала: «Уйди, испуг, в печную трубу и никогда больше не возвращайся».

Однако ночные демоны могли терзать и взрослого человека, напустив на него бессонницу. Когда все это терпеть становилось невмоготу, к печке-избавительнице обращались с такой мольбой: «Ахти мати, белая печь! Не знаешь ты себе ни скорби, ни болезни, ни щепоты, ни ломоты; так бы раб божий (называли свое имя) не знал бы ни хитки, ни притки, ни уроков, ни прихоров, ни щипо-

ты, ни ломоты, при утренней заре Марие, при вечерней Маремьямне, при полуночной Аграфене!»

Защита от нечистой силы. Нечистая сила могла проникнуть в жилище не только через окна и двери, но и через печную трубу. Женщины, чаще всего вдовы, страдали от так называемого *летуна,* или *огненного змея,* который соблазнял их и сосал кровь. После нескольких таких визитов женщина начинала сохнуть, желтеть и в конце концов умирала. Особенно лютовал огненный змей под Крещение. В романе П.Мельникова-Печерского «В лесах» одна насельница заволжского скита рассказывала о якобы виденном ею огненном змее-летуне: «Красен, что каленый уголь, не меньше доброго гуся величиной; тихо колыхаясь, плыл он по воздусям и над самой трубой Ерохиной кельи рассыпался кровяными мелкими искрами...»

Чтобы защититься от визитов непрошеного гостя, над очагом вешали на ночь засохшие ветки валерианы, а зимой сыпали на загнетку так называемый крещенский снег. Выпавший на Крещение, снег собирали в короб или кадушку и хранили на всякий случай в холодном сарае всю зиму.

На Агафью-коровницу (18 февраля) нечистая сила вновь начинала бесноваться, нападая не только на людей, но и на скотину. Старики говорили: «На Агафью коровья смерть ходит. Нечистые духи принимают образ птиц, заглядывают в трубы и наводят на домочадцев порчу». Чтобы нечисть не проникла в избу, ее необходимо было окурить чертополохом. Обычно засохшие ветки этой травы хранились на чердаке с прошлого лета. Однако можно было срезать зимующие ветки чертополоха, которые всю зиму торчат над сугробами где-нибудь на меже, у забора или на пустыре. Окуривание производили в то время, когда в печи оставалось немного раскаленных углей. Чертополох бросали на угли, следя за тем, чтобы он не горел, а тлел. Затем закрывали трубу, и густой душистый дым распространялся по всей избе. Когда чертополох переставал чадить, трубу закрывали.

Наказание вора. Если с нечистой силой можно было справиться с помощью чертополоха, крещенского снега и заклинаний, то с лихими людьми совладать было гораздо труднее. Однако и здесь старались призвать на помощь магические силы печи. Когда в доме совершалась кража, после которой вору удавалось скрыться, крестьяне пытались наказать его с помощью печного огня. Но это было возможно только при том условии, если вор оставлял хотя бы незначительную улику, например клок одежды или отпечаток обуви на земле. Клок воровской одежды опутывали ветками терновника или чертополоха, прикалывали булавками и вешали в трубе. Считалось, что жулик будет испытывать невыносимые боли до тех пор, пока клок

его одежды будет висеть в трубе. Порой он не выдерживал нечеловеческих мук и приходил, чтобы уничтожить улики. В это время его и задерживали.

Белорусские крестьяне наказывали вора несколько иным способом. После совершения кражи они внимательно осматривали все вокруг. Обнаружив отпечаток обуви злоумышленника, они измеряли след лучинкой или прутиком. Обломив лишнее, мерку вешали в печной трубе. По их убеждению, жулик постепенно начнет сохнуть, как сохнет в трубе лучина, и непременно умрет, как только лучина истлеет от печного жара.

Заговаривание скотины. В Великий четверок (четверг на Страстной неделе, накануне Пасхи) в русских деревнях принято было совершать магические обряды, которые должны были уберечь скотину от опасностей, ожидавших ее на лесных пастбищах. Коровы могли подвергнуться нападению волков, заблудиться или утонуть в болоте. В обрядах обязательно использовалась русская печь. Во многих деревнях Архангельской губернии хозяйки открывали печную трубу и обращались через нее к своей корове: «Пар божья скотинка, коровушка Пестронюшка, в чистом поле — обед, дома — ночлег. Не ночуй на бору, ходи ко двору!»

Костромские крестьяне не ограничивались монологом и предпочитали вести диалог через печную трубу. Нагнувшись к печке, хозяйка спрашивала в трубу: «Дома ли теленки?» — «Дома, дома!» — отвечал ей доносившийся сверху из трубы голос. Принадлежал он обычно одному из членов семьи, который по этому случаю специально забирался на крышу или чердак. Между тем хозяйка продолжала спрашивать: «Дома ли коровушки?» Ей в ответ из трубы доносилось: «Дома, дома!» Так постепенно перебиралась вся скотина, живущая на подворье.

Куриный оберег. С наступлением весны нужно было позаботиться также о сохранности кур и цыплят. Для этого подходил отслуживший свою службу в печи старый печной горшок. Считалось, что опрокинутый в огороде на кол он сможет в течение лета отпугивать от дома ястребов. Однако печной горшок становился оберегом только при соблюдении определенных условий, на которые решится не каждая женщина. В Великий четверг, пока еще не взошло солнце, хозяйка должна выйти нагая с печным горшком в руках и опрокинуть его на кол.

Печь и ведьмы. Согласно поверью, в ночь перед Рождеством и Крещением, когда на дворе лютовали морозы, ведьмы и черти бесновались на дворе до первых петухов. Через открытые печные трубы они проникали в избы и чинили домочадцам всяческие козни. Ведьмами становились женщины, продавшие свою душу нечистой силе.

Каждая ведьма обязательно использовала в дьявольских целях свою печь *(рис. 1)*. Перед вылетом на шабаш она превращала ее в своеобразную лабораторию, где готовился отвар из колдовских трав. Как только из горшка поднимался густой пар, ведьма садилась

на метлу и, подталкиваемая паром, вылетала с огромной скоростью в трубу. Таким образом, шесток русской печи был для ведьм чем-то вроде стартовой и посадочной площадки. Разумеется, вылеты и прилеты осуществлялись только через открытую трубу.

Если одни ведьмы использовали при взлете пар, то другие держали на этот случай в склянке специальную жидкость, от воздействия которой в воздух способны были взлететь даже неодушевленные предметы. Именно с помощью такой волшебной жидкости поднималась в воздух ведьма в стихотворении А. Пушкина:

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула
И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой.
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.
Эге! Смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка,
Понюхал: кисло! Что за дрянь!
Плеснул на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!..
Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Марш! Марш! Все в печку поскакало...

Рис. 1

То, как выглядит вылет ведьмы из трубы, описал и Н.Гоголь в повести «Ночь перед Рождеством»: «Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле».

Печная труба была для ведьмы воротами, через которые она отправлялась во внешний мир, а затем возвращалась в свое жилище. Как происходит возвращение ведьмы, кстати, уже на пару с чертом, подробно описано в той же повести. Ведьма «отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горе, и прямо в трубу.

Черт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то немудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядеть, не назвал ли сын ее Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посереди ха-

ты, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле».

Очистительная сила печной золы. Чтобы ведьмы да черти со злым умыслом не проникли в крестьянскую избу, хозяева приглашали знахаря. Ровно в полночь он заговаривал трубу, посыпая загнетку золой из семи печей, которая у него всегда была в запасе, а затем произносил слова специального заговора.

Собираемая в течение всей зимы печная зола использовалась также при других обрядах. У многих народов она наделялась самыми чудесными свойствами.

Считалось, что печная зола не только защищает домочадцев от нечистой силы, но оберегает дом и хозяйство от стихийных бедствий и помогает при многих болезнях.

Нередко охотники носили с собой небольшой мешочек с древесной золой, чтобы посыпать ею след убегающего раненого зверя, полагая, что волшебная сила печной золы остановит его и не даст далеко убежать.

История знает случаи, когда печная зола становилась грозным оружием. Так, например, в 1237 году при обороне Рязани от полчищ хана Батыя женщины выгребали золу из печей и носили к стенам осажденного города. На крепостном валу золу смешивали с песком и сыпали эту смесь на головы осаждавших. Попадая вместе с песком в глаза, зола надолго выводила из строя вражеских воинов.

Перед Великим постом золу также использовали для очищения от всякой скверны. Золой посыпали хозяйственные постройки, домашний скот и семена. Ее разбрасывали по полям, в саду и огороде, закапывали у порога дома. Считалось, что печная зола способна отвести от домочадцев, а также домашних животных многочисленные болезни, уберечь от ударов молнии и предотвратить пожары. Кроме того, она способствовала повышению урожая и уничтожению вредителей.

В последнюю неделю Великого поста, а точнее, в Чистый четверок русские крестьяне выгребали из печи золу, выносили на двор и, посыпая ею курятник, хлев и конюшню, приговаривали: «Чтобы курочки неслись, чтобы коровушка доилась, чтобы лошадушка резвой была». В этот же день не забывали попудрить золой огород. Старые люди говорили: «Печная зола со Страстного четверга, пятницы и субботы охраняет капусту от червя». Подобные обрядовые действа происходили накануне Пасхи по всей Европе. Например, в Скандинавии крестьяне посыпали печной золой землю перед домом и коровьим хлевом. Делалось это для того, «чтобы предохранить коров и коровье молоко от дурного глаза, злого человека и от чертей».

Любовные заговоры (присушки). Печь занимала особое место в делах сердечных. Чтобы прису-

шить девицу, добрый молодец должен был произнести у горящей печи такие слова: «Выйду я на улицу, на божий свет, посмотрю в чисто поле. В чистом поле 77 медных каленых печей, на 77 медных, на светлых каленых печах по 77 Яги-баб... Коль горят пылко и жарко медные печи, так же бы раба божья (в этом месте называлось имя девицы) пеклась и кадилась во всякое время, во всяк час, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуночи, о утренней заре и вечерней...»

Некоторые девичьи присушки отличались необычайной простотой. Растопив печь, девица произносила перед ее устьем: «Как жарко дрова разгораются, так разгорелось бы по мне сердце молодецкое!»

Считалось, что наиболее сильное действие присушки оказывают в день Андрея Первозванного (13 декабря).

На русском Севере в этот день во время топки печи девица, желавшая присушить добра молодца, должна была произнести перед печью следующие слова заговора: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя грешную. Дымы вы дымы, пойдите вы, дымы, по высоким горам и по синим морям, разыщите вы, дымы, раба божья (называлось имя) и разожгите вы, дымы, раба божья (имя) и разожгите вы, дымы, у раба божья (имя) печень и легкие, чтобы раб божий (имя) не мог без рабы божьей (называлось свое имя) ни жить и ни есть, чтобы не было ему покою, чтобы думал все, скорбел о рабе божьей (имя). Во имя отца и сына и святого духа. Аминь».

В обычные дни также можно было попробовать присушить приглянувшегося парня. Ближе к полуночи, улучив время, когда в доме все засыпали, девушка снимала с себя крест, распускала волосы и становилась перед печью на черное сукно. Под каждую пятку она клала по серебряной монетке. Затем, открыв вьюшку и задвижку, произносила тихо в трубу: «Выйду я из дверей, не благословясь, из ворот, не перекрестясь, пойду в чистое поле, за чистым полем стоит зеленая роща, в этой зеленой роще — большое дерево — осина, а у нее есть зеленая вершина, на ее зеленой вершине сидит большой старший черт. Черт-батюшка, помоги мне, сослужи мне службу большую, вызови 99 твоих бесенят и пошли их к добру молодцу (имя). Пусть возьмут его сердце, вырвут у него душу, тоской пересушат грудь, сердце и душу принесут ко мне». Закончив заклинать, девица тотчас закрывала трубу, а наутро разменивала серебряные монеты и раздавала их нищим.

Другой способ любовной магии отличался тем, что из земли вырезали след доброго молодца и сушили его в печи. Именно так поступила в одной русской былине колдунья Марина:

Брала... следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую

Со теми следы горячими,
Разжигает дрова палящетным огнем
И сама она дровам приговаривает:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со теми следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молодца Добрынюшки
Никитьевича!»

Заклинание на остуду и ссору. Если на пути влюбленной девицы вставала разлучница, ее старались поссорить с добрым молодцем с помощью заклинаний. Перед тем как его произнести, нужно было сходить поочередно в три лавки и купить в каждой на копейку поваренной соли. Затем из бака или бочки, где бучили (парили) белье, девица брала три горсти печной золы, слегка подсушивала и смешивала с принесенной солью. Одну половину этой смеси она тайно высыпала у дверей добра молодца, а другую половину — у крыльца соперницы. Разбрасывая соленую золу, девица произносила: «Как эта зола с солью не сойдутся, гора с горой не сойдется, берег с берегом не сойдется, так и вы, рабы божьи (здесь назывались имена), не сойдетесь во веки веков. Аминь!»

«Изжигание» любви. Если все попытки присушить добра молодца, а также поссорить его с соперницей оказались безрезультатными, ничего не оставалось делать, как «изжечь» (изгнать) любовь из своего сердца, чтобы навеки покинула тоска-печаль. На Крещение, когда в доме топилась печь, девица клала в огонь камень, например один из тех, которые используются в качестве гнета при засолке огурцов. Когда камень накалялся, девица подхватывала его на ухват и бегом несла к ближайшей проруби. Когда камень с шипением опускался на дно реки или пруда, девица наклонялась к проруби и внимательно рассматривала его. Если камень разваливался на части, то это было верным признаком того, что печаль-тоска уйдет навсегда. Когда же оказывалось, что камень остался целым и невредимым, то это означало, что все старания были напрасны.

КИРПИЧНЫЙ ОРАКУЛ

Даже у человека, чуждого предрассудкам, возникает порой какое-то суеверное отношение к огню. Писатель М.М. Пришвин записал однажды в своем дневнике: «...ставлю самовар. Лучинки вспыхивают по краям, где обломлено, и тухнут, остается едва живой огонек, и я загадываю, спасая его, повертывая вниз, — выживет огонек — и я выживу еще как писатель, еще попишу. И огонек' выжил». Что же говорить о простой крестьянской женщине, которая ежедневно имела дело с огнем, от которого полностью зависел успех в ее повседневной работе.

Считалось, что по тому, как вел себя в печи огонь, можно судить о будущем.

Пока печь топилась, с ее помощью можно было много раз погадать. Например, если вдруг из пылающих в печи дров выкатится головешка, прежде чем отправить ее опять в огонь, стряпуха ударяла по ней кочергой так, что из нее сыпались искры. Если искр будет мало — к бедности, много — к благополучию, а уж если искры разлетятся огненным снопом, то впереди ждут удача и богатство.

Магические силы приписывались не только огню, но и всему, что имело отношение к печи. С успехом погадать можно было на подовом хлебе, испеченном на листьях капусты, лопуха или лебеды. Листья стелили на чисто вымытый под и укладывали на них хлеба. Когда через определенное время готовые хлеба вынимали из печи, каждую ковригу переворачивали, отделяли прилипшие снизу листья и внимательно рассматривали. На подошве, или *подовине,* каждой ковриги оставались четкие отпечатки листьев, по их своеобразному рельефу воображение угадывало различные реальные образы. На основании их и судили об ожидаемых в будущем событиях.

Девичьи гадания. Конечно же, самыми распространенными и многочисленными были девичьи гадания. Девушки могли погадать уже у поленницы, не дожидаясь, когда дрова попадут в печь. Известно, что два одинаковых полена найти невозможно. Каждое из поленьев имеет свои особенности. Одно полено толще, другое тоньше, у одного кора чистая и гладкая, у другого — шершавая, да к тому же изрезана глубокими бороздами. Кроме прямых, в поленнице много кривых поленьев, с перекрученными свилеватыми волокнами. Есть поленья с сучками, трещинами и дуплами... Словом, разнообразию поленьев вряд ли есть предел. Именно на этом и основано старинное девичье гадание.

Погадать на поленьях можно было в любое время, но все же наиболее действенным считалось гадание, совершаемое накануне больших праздников — Рождества и Крещения.

Накануне праздников гадали не в одиночку, а в компании подруг, когда сообща можно было более убедительно растолковать значение каждого жребия. К поленнице подходили по очереди. Когда до нее оставалось несколько шагов, девушка закрывала глаза и вытягивала вперед руку. Как только рука касалась первого попавшегося полена, она вытаскивала его из поленницы. Затем ее окружали подруги. Все вместе они старались растолковать значение попавшего в руки полена. Если полено было покрыто шершавой корой, то жених будет рябой и некрасивый. Ровное полено с гладкой корой, наоборот, обещало красивого и статного жениха. Полено с толстой корой намекало на то, что жених будет солидным и богатым. Толстое полено говорило о том, что суженый будет коренастым и сильным, а тонкое — худым и слабым. Если девица вытащила кри-

вое полено, то судьба должна свести ее с уродцем. Кроме того, поленья давали возможность узнать также и о составе будущей семьи: сколько сучков в полене, столько и ребятишек будет.

На поленьях можно было погадать и по-другому, и не только накануне праздников. Девица приносила в избу охапку (беремя) или корзину дров, клала их у печи, а потом считала. Если выходило четное число — идти в этом году замуж, нечетное — «маком сидеть», то есть оставаться в девках.

Гадание с закрытыми глазами. Это гадание напоминало известную игру в жмурки. Мать или подруга завязывала девушке глаза и водила ее по избе по кругу. Затем, выведя ее на середину избы, отпускала и давала возможность идти самостоятельно до тех пор, пока она не натолкнется на препятствие. Если это окажется дверь или красный угол (где висят иконы), то это предвещало скорую свадьбу. Если же на ее пути оказывалась печь, значит, еще год она будет под покровительством родного очага.

Гадание на помеле. Как известно из народных сказок, помело, которым подметали под русской печи, было основным средством передвижения Бабы Яги. Без него не могли обходиться также деревенские ведьмы. Считалось, что магическая сила, заключенная в помеле, может помочь заглянуть в будущее. В рождественский и крещенский сочельники девушки тоже старались воспользоваться этой таинственной силой. Они сыпали под стоявшее у печи помело горсть овса со словами: «Хочу увидеть во сне своего суженого».

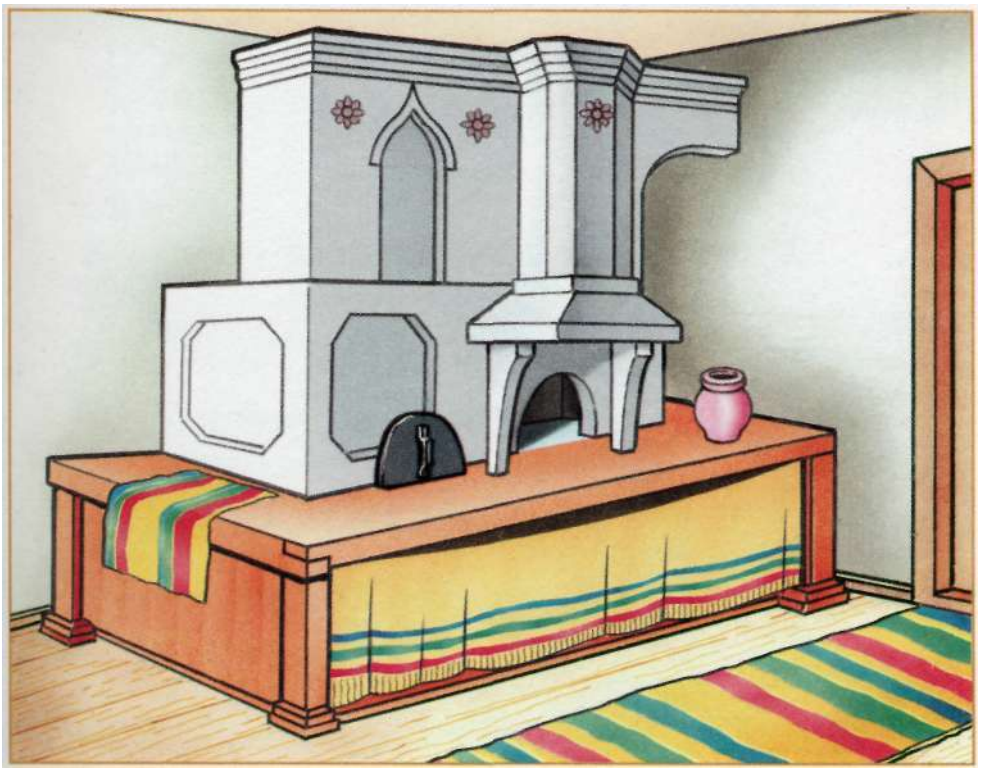
Коврижки из печной золы. Накануне Крещения у девиц появлялась возможность увидеть в праздничной толпе своего суженого. Для этого нужно было запастись коврижкой, испеченной из необычного теста, состоящего из равных частей золы и муки. Магическая сила коврижки была такова, что будущий жених невольно выдавал себя, стоило ему только приблизиться к девице, у которой она была.

В некоторых районах Сибири пекли специальные коврижки с круглым отверстием посередине. Выйдя на улицу, девицы смотрели на гуляющих молодых людей через отверстие в коврижке, выискивая своего суженого.

Гадание на печной золе. В полночь, накануне Нового года, когда на деревенской улице наступала тишина, девицы выходили за ворота и посыпали снег печной золой. Рассеивая золу, девицы приговаривали: «Суженый богатый, ступи сапогом; суженый бедный, лаптем». Наутро они шли смотреть, какие следы отпечатались на снегу, припорошенном золой. Если следы отсутствовали совсем, значит, в этом году под венец идти не придется.

Городские девицы также нередко использовали при гадании печную золу. Отыскав лист чистой бумаги, горожанка клала его на стол, посыпала золой и ставила на него посуду с чистой водой. Затем она снимала с пальца перстень, бросала его в воду и гляде-

Размещение печи в доме



Обустройство печи

Русская изба с печью

О. Бахматюк.
Изразцовая печь

Живой огонь печи

ла на нее до тех пор, пока не увидит суженого.

Гадание у печи. На русском Севере девицы высматривали своего суженого в блюдечке с водой, поставленном на шестке русской печи. Но чтобы он явился, нужно было проклясть печную трубу, двери, ворота и т.п. Об этом способе гадания одна пожилая крестьянка рассказывала так: «Женихов высматриваешь — надо трубку открыть (трубу — *Г.Ф.),* заслонку открыть. И все проклинают: «Будь ты проклята, трубка, будьте прокляты, двери, будьте прокляты, ворота, — и у печи смотришь. Дак жених-то в точности и выйдет (покажется в блюдечке с водой). Покажется — двери закрывают да благословляют все: перекрестят — господи, благослови трубку. Господи, благослови двери. Дак, все, больше не появится».

Чтобы увидеть суженого во сне, нужно было бросить перед сном на трубку свой пояс. «Научили меня, — рассказывала другая деревенская старушка, — бросить пояс на трубу или на брус (печной — *Г.Ф.)* и сказать: «Пояс, пояс, покажи мне поезд с суженымряженым, не с которым повидаться, а с которым повенчаться». Вот я так и сделала, приснился мне сон: иду я и вижу пруд, на нем гуси и утки плавают, и парень загоняет их белобрысый, а жених у меня был в той деревне с черным волосом. А замуж вышла в другую деревню. Смотрю — пруд под окном и муженек мой белобрысенький. Серафимом звали».

Гадание в печи на рябине. По убеждениям жителей северных губерний России, с помощью грозди рябины, брошенной в горящую печь, можно узнать о том, с какими намерениями пришли к дому незнакомые люди. Именно так советует поступить «скромной девице» одна из героинь карело-финского народного эпоса «Калевала»:

Дочка, милая малютка,
Положи в огонь рябину,
Подожги красу деревьев;
Если кровь польет струею, —
То останемся мы с миром.

И, конечно же, девица не преминула воспользоваться ее советом:

Эта скромная девица
На огонь кладет рябину,
Подожгла красу деревьев.
Не течет ни кровь оттуда,
Ни водица чистой струйкой;
Видит — мед течет оттуда,
Сладкий сот там показался,
Молит Суоваккo тихонько,
Молвит старая с постели:
«Если мед течет из древа,
Коль из сота сладкий каплет,
Это значит будут гости,
Женихи толпой большою».

Гадание на луковице. У печи хозяйка могла погадать о том, что ожидает семейство в будущем. Для этого разрезанную пополам луковицу расслаивали на двенадцать отдельных плошек. В каждую из них сыпали по щепоти поваренной соли. Затем все двенадцать плошек ставили в ряд на выступ перетрубья. Каждая из них символизировала определенный месяц года. Первая плошка представляла январь, а последняя декабрь. На следующий день плошки осматривали и по состоянию

находившейся в них соли судили об особенностях каждого месяца. Если, скажем, в одной или нескольких плошках соль оставалась сухой, то соответствующие им месяцы должны быть благоприятными. Комковатая соль сулила впереди незначительные трудности, а сырая — большие неприятности. Разумеется, были и такие плошки, в которых соль находилась как бы в промежуточном состоянии, например лишь слегка сыроватая или среди сыпучей соли могут встретиться несколько небольших комков. Все эти тонкости обязательно учитывали при гадании.

ПЕЧКА ЛЕЧИТ

Так уж исстари повелось, что на Руси духовая печь почти всегда была причастна к лечению даже самых незначительных недомоганий. Недаром в народе говорили: «Печка греет, печка кормит, печка лечит». По глубокому убеждению наших предков, магическая сила пылающего в печи огня имеет очистительную силу, уничтожая в человеке болезни, насылаемые на него злыми силами. Поэтому именно перед устьем печи принимались многие лечебные процедуры. Иногда больных исцеляли непосредственно в жарком горниле печи. Но все же самым распространенным было лечение на печке, на дышащей жаром лежанке. Целебную силу имел не только огонь и исходящее от него тепло, но и все, что имело непосредственное отношение к печи, начиная от кирпичей и скрепляющего их раствора *(опечины)* и кончая золой и древесным углем. Особыми целебными свойствами отличались не только настои и отвары, но также обычная повседневная еда, приготовленная в русской печи.

Лечение на печи. Рассказали мне однажды, что одной деревенской старушке исполнилось сто лет. Репортеры понаехали к ней в дом и стали допытываться: «Что ела, каков был режим питания и чем лечилась?». Она им отвечает: «Питалась, чем бог послал, а лечилась и того проще. Как заболею, дак чаю с травами напьюсь, да и на печку».

Какие же недуги могли привести человека на печь порой в неурочный час? Конечно же, прежде всего различные простудные заболевания, а также ревматические боли в суставах и пояснице. Если для лечения ревматизма и радикулита требовалось длительное время, то от простудных заболеваний на печке можно исцелиться за один-два дня. При легкой простуде больному давали выпить так называемой *порушки* (отвара сухой малины с медом) и отправляли на печку со строгим наказом прижимать пятки к горячим кирпичам так долго, «сколько терпеть можно». На другой день после такой несложной процедуры простуду «как рукой снимало».

При очень сильной простуде прибегали к более радикальным способам лечения. В избу приносили

охапку сена и набивали им двух- или трехведерную кадушку. Вскипятив в большом чугуне воду, заливали сено крутым кипятком. Как только вода в кадушке остывала настолько, что рукам можно было терпеть, распаренное сено отжимали и раскладывали равномерным слоем на жаркой печи. К этому времени был уже приготовлен отвар из листьев мать-и-мачехи, липового цвета, сухой малины и дятлины (соцветий красного клевера). Еще более действенным считался отвар из двенадцати купальских трав, то есть лекарственных трав, собранных на праздник Ивана Купала 7 июля (24 июня по старому стилю). После того как отвар был выпит, больного укладывали на сено, накрывали сверху шубой и давали как следует пропотеть. Затем сено убирали, больного обтирали и укладывали в сухую постель, которую стелили тут же на печи.

Простуду, а также радикулит народные лекари лечили на печи с помощью так называемых «пупошников» — маленьких глиняных горшочков.

После парной бани больного клали на печь животом вниз. Затем разрезали пополам несколько картофелин и в каждую половинку втыкали по три спички или небольшие березовые лучинки. Лучинки поджигали и ставили картофелину на больное место. Сверху картофелину накрывали «пупошником», который присасывался к коже подобно стеклянным медицинским банкам. Таким же способом ставили все остальные горшочки. Когда через несколько минут «пупошники» отваливались, картофелины убирали, больному давали выпить малинового взвара, накрывали теплым одеялом и оставляли выспаться на печи до утра.

В иных местах, перед тем как залезть на печь, больной принимал ванну из снеговой воды. В печи в больших чугунах предварительно растапливали собранный на огородах снег. Одновременно нагревали в топливнике один или несколько песчаных камней. Снеговую воду выливали в большую бочку, поставленную у печи. Вслед за этим в бочку бросали нагретый на огне камень. Когда вода от камня нагревалась, в бочку опускался больной и сидел в воде до тех пор, пока его не прошибал пот. После этого больного обтирали, давали выпить малинового взвара и отправляли на жарко натопленную печь.

Если лежанка печи была чем-то вроде огромной грелки, согревающей все тело, то обычный печной кирпич служил для согрева отдельных его частей. Кирпич заранее нагревали в печи, затем завертывали в ткань и прикладывали к больному месту. Грелка из кирпича оставалась теплой до самого утра. Современные врачи нередко советуют (если, разумеется, есть возможность) вместо резиновой грелки использовать нагретый кирпич, источающий ровное сухое тепло. Для такой грелки более подходит плотный кирпич, не

имеющий трещин. И конечно же, предпочтительнее приспособить под грелку старинный кирпич, имеющий более крупные размеры и более высокую плотность.

Лечебное значение лежанки русской печи увеличивалось благодаря умелому подбору древесины для полатей, служащих ее продолжением. По возможности их старались изготовить из дуба и березы. Считалось, что древесина этих деревьев излучает положительную энергию и благотворно влияет на здоровье человека. Конечно, есть и другая, более прозаичная причина: их твердая и плотная древесина выдерживает довольно высокую температуру и к тому же в ней нет смолы. А это значит, что деревянные части печи не будут обугливаться, а печной жар не будет вытапливать из нее липкую, пахнущую скипидаром смолу.

Лечение перед устьем печи. Согласно одному старинному поверью, печной огонь способствует заживлению кровоточащих ран и порезов. Например, порезал человек по неосторожности палец, и кровь продолжает сочиться сквозь ветошку или бинт. Если в это время в доме топится печь, помочь горю считалось не таким уж трудным делом. Достаточно было кусочек окровавленной ветошки повесить на почтительном расстоянии от огня, где-нибудь над шестком так, чтобы жара сильного не было и в то же время тепло ощущалось. Считалось, что как только ветошка высохнет, так и кровь остановится, а рана затянется. Однако если кто по неосторожности пододвинет ветошку слишком близко к огню, то не только не остановит кровотечение, но и накличет на себя беду. Такова, по мнению наших пращуров, сила чудесной связи человеческого организма с огнем родного очага.

В крестьянской среде бытовало представление, что многие болезни у человека возникают от колдовства и недоброго глаза, А вот огонь домашней печки вполне способен помочь отыскать злоумышленника. Для этого необходимо только бросить в огонь печи гной от прорвавшегося нарыва. Тотчас явится колдун, который напустил болезнь. Такова сила огня в родном очаге.

Судя по всему, огонь больше склонен сострадать детям. А у детей каких только болезней не бывает. Например, ни с того ни с сего проникают ночные демоны, так называемые ночницы, забираются к ребенку в колыбель и начинают его донимать. То за ухо дернут, то за нос ущипнут, а то и просто ударят, то есть делают все, чтобы ребенок не уснул. Плачет дитя со страху, надрывается, и нет силы его унять. Вот тогда-то измученные родители и приглашали в дом знахарку, чтобы полечила она его печным огнем. Считалось, что ночницу могут лечить только женщины. Знахарка брала на руки ребенка и начинала раскачивать его перед горящей печкой, иногда слегка встряхивая. Согласно уговору, мать ребенка

должна была у нее спросить: «Что ты делаешь?» На что знахарка отвечала: «Варю ночницу!» Тогда мать одобрительно говорила: «Так вари, чтобы век не было!» После этого ребенок успокаивался и спал уже безмятежно.

Неограниченными считались возможности врачующего пламени домашней печи! Но упаси боже кому-нибудь из домочадцев плюнуть хотя бы невзначай в печной огонь — на коже через некоторое время появлялся мокнущий лишай (экзема), называемый в народе *огонником*. Вылечить больного можно было только перед печью. Знахарь сажал его на скамейку перед печкой, брал в руки стальное *кресало* и ударял им по *кремню* так, чтобы высекаемые из него искры падали на пораженные участки кожи. При этом кто-нибудь из присутствующих домочадцев по уговору должен был спросить его: «Что секешь?» Ответ был такой: «Огонь летучий». Задавший вопрос поддерживал его действия словами: «Секи его, гора, чтобы век не была!»

Лечение в печи. Читая русские сказки, легко убеждаешься, что Баба Яга не только любила в свободное время полежать на печи и погреть свои старые кости, но также обожала приготовленное в ней варево, жарево и печево. Правда, у нее не всегда получалось так, как того хотелось, как, например, в сказке А.Афанасьева «Баба Яга и жихарь». В старые годы в некоторых областях России жихарем называли удалого разбитного парня. Именно такой лихой малый и попался в руки лесной колдуньи. «Притащила Баба Яга жихаря домой, посадила в голбец, сама затопила печку, говорит большой дочери: «Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихорька». — «Ладно!» — говорит та. Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел. «Ложись на *ладку!*» — говорит девка. Жихарь лег, уставил одну ногу в потолок, другую в *наволок*. Девка говорит: «Не так, не так!» Жихарь бает: «А как? Ну-ка научи». Девка легла на ладку, Жихарь не оробел, схватил ухват да и пхнул в печь ладку с ягинишной дочерью...»

Таким образом удалой молодец остался целым и невредимым, в то время как злую силу в лице дочери Бабы Яги уничтожил беспощадный очистительный огонь. По крайней мере, так считали народные сказители и те простые люди, которые слушали сказки и передавали их из уст в уста. Чтобы создать образ сказочной Бабы Яги, не нужно было иметь изощренную фантазию: не в своей, так в соседней деревне всегда находилась знахарка, которая не хуже сказочной ведьмы владела помелом и лопатой для хлеба, с необыкновенной ловкостью отправлявшая в печь хворых детишек. Об одной из таких знахарок писатель С.Максимов писал в XIX веке: «С грудным парнишкой солдатки собачья старость приключилась — стало парня сушить в щепку, в соломинку; Матрена пришла, когда печь топилась, и только посадила парня на лопатку да три раза сунула в чело, и не успела мать третьего раза взвизг-

нуть, парень был готов и вскоре пошел на поправку». Как полагают ученые, устье русской печи у древних символизировало материнское лоно, побывать в нем — означало как бы заново родиться, но только уже здоровым и крепким. Собачью старость (атрофическое состояние у детей) лечили не только во время топки печи, но и после того, как температура спадала настолько, что в топку можно было забраться, не опасаясь обжечься. Ребенка сажали на так называемую *почву* — большое деревянное блюдо, на котором сеют муку, катают хлебы и выполняют различные другие работы. На ночве ребенка вдвигали в печь и приговаривали: «Пеку хворость, собачью старость». А кто-нибудь в избе должен был сказать: «Пеки, пеки, чтобы век не была». Повторив заговор трижды, ребенка вынимали из печи. Вместе с ребенком в печь сажали щенка. Слегка похлестывая маленьким березовым веничком то ребенка, то щенка, приговаривали: «Щенок! Возьми свою старость!» Подобные лечебные бани положено было устраивать только по средам и пятницам.

В печи лечили и другую детскую болезнь — *родимец*. Приносит, скажем, Агафья к знахарке хворого Карпушу. Та сажает его в теплую печку и заговаривает: «Печка-матушка никогда не болеет, не тоснет (тоскует — *Г.Ф.),* тихо, спокойно, так и ты, раб божий Карпуша, порождение матери Агафьи, чтобы не болел, не тоснул. Печка-матушка, здоровья давай или к себе прибирай».

Бывали случаи, когда новорожденный младенец прямо из утробы матери отправлялся в «утробу» русской печи. Обычно в деревне новорожденных обмывали в бане. Но если баню заранее не успевали натопить, тогда-то и выручала русская печка, которую топили довольно часто, и не только в зимнюю стужу. Из печи выгребали золу и уголь, стелили на под солому и ставили чан с теплой водой. Бабка-повитуха залезала в печь, куда ей подавали младенца. Под сводами русской печи повитуха обмывала младенца и приговаривала: «Расти с брус вышины да с печь толщины!»

Но если все же баня оказывалась вовремя протопленной и в ней смогли обмыть младенца, в печи все равно совершали обряд, который должен был предохранить родившегося человека от всяческих жизненных невзгод и напастей. Во всех случаях, как только в избе раздавался крик новорожденного, немедленно открывали вьюшку и заслонку, чтобы впустить в избу через трубу душу родившегося человека. Через некоторое время трубу надежно закрывали, чтобы душа не вернулась обратно на небеса. Принесенного из бани младенца вносили на руках три раза в печь, каждый раз приговаривая: «Печь не боится ни жару, ни пару, так и мой ребеночек не боится ни шуму, ни гаму».

Баня в печи. «В хате птичницы с чашкой воды стоит баба перед закутанной печью, в которой шуршит и треплется веник. Веник за-

молк. «Откутай!..» — кричит кто-то умирающим голосом...»

Прочитав этот небольшой отрывок из очерка Г.И.Успенского, не всякий современный читатель поймет, что писатель XIX века изобразил в нем мытье в русской печи. В то время «закутанной» называли вытопленную печь, у которой были закрыты заслонка, вьюшка и все задвижки. Вот в такой закутанной печи за плотно закрытой заслонкой и парился хозяин хаты, охаживая себя банным веником. Писатель вошел в хату в тот момент, когда, напарившись до изнеможения, хозяин просил открыть заслонку печи.

Почти до середины XIX века в русской печи мылись и парились не только в деревнях, но и городах, в том числе и в Москве, изобилующей домашними и общественными банями.

В некоторых деревнях, особенно тех, которые были расположены в безлесных районах страны, обычай попариться в печи просуществовал почти до середины XX века). Кое-где в глухих деревнях и сейчас не забывают о нем. Мытье в печи считалось действенным средством при лечении самых разных болезней.. Однако для этих целей наиболее пригодна была русская печь, имеющая достаточно большой топливник. Поэтому печь специально делали более просторной, с широким устьем и высоким сводом. В ней свободно мог сидеть не сгибаясь даже человек высокого роста.

В банный день, как обычно, печь использовали по своему основному назначению, то есть в ней варили пищу. Но при этом на под ставили дополнительно еще несколько чугунов: в одних грелась вода, в других варился щелок. Для варки щелока в чугун опускали холщовый мешочек, наполненный просеянной древесной золой.

После того как печь была протоплена, из нее выгребали золу и древесные угли. Под печи тщательно выметали метелкой или веником и бросали в печь щепоть муки. Если мука не загоралась, то это означало, что сильный жар спал и печь вполне пригодна для устройства в ней бани. На под печи укладывали специальные доски, выструганные из липы, ольхи и осины, либо устилали влажной соломой. Затем в печь ставили деревянный ушат с горячей водой и бадейку с щелоком, заменявшим мыло. В воду опускали березовый, дубовый, липовый или комбинированный веник, в который, кроме древесных веток, входили различные лекарственные и душистые травы: крапива, тысячелистник, мята, душица.

Обычно женщины мылись и парились в печи вместе с малыми детьми. Мужчины залезали в печь по одному, изредка вдвоем. Чтобы в печи постоянно держался горячий пар, веник время от времени вынимали из горячей воды и брызгали на стены и свод топливника. Парящийся хлестал себя веником, мыл тело и голову

щелоком, а затем вылезал из печи и быстро шел в сени или во двор, где заранее был приготовлен ушат с холодной водой. Здесь он обливался и обтирался сухим полотенцем. Любители попариться повторяли эту процедуру два-три раза. Обдавшись холодной водой, они снова забирались в печь и продолжали париться.

Иногда в печи парили немощных старцев, которые не могли самостоятельно влезть в печь. Старика клали на широкую доску, которую вдвигали вместе с ним в печь. Вслед за старцем в печь забирался здоровый мужчина, который и мыл его.

Конечно, париться в бане намного удобнее, однако при необходимости печь вполне заменяла ее. В отличие от бани ее не надо было специально топить, ведь печь и так топилась в избе ежедневно. Так что захотелось попариться — печная баня всегда к услугам человека, как любили говаривать в старину: «Кожух с плеч, да и полезай в печь!»

Парная в русской печи может доставить удовольствие и современному человеку. Вот что пишет об этом в книге «Окно с затейливой резьбой» архитектор Л.Данилова: «Наверное, вам покажется странным такой способ мыться и париться. Я тоже была удивлена и не верила, что это возможно, пока сама не испытала подобную парную в деревне Будимово Калининской области (ныне опять Тверской — *Г.Ф.)*. Спустя несколько часов после того, как истопили печь, хозяйка вычистила печной под от золы, постелила на него соломы и приказала — полезай! Боясь испачкаться в саже, я осторожно на животе вползла в жаркое чрево печи. В ней можно спокойно сидеть и даже подхлестываться березовым веничком — места вполне достаточно. Никакой копоти, сажа держится только в том месте, где выходит дым. Напарившись, обливаться холодной водой приходилось выбегать во двор, чтобы не залить избу. Это маленькое неудобство даже забавляло. Что и говорить, настоящая баня лучше, но и печь ее может заменить с успехом».

Следует заметить, что маленькое неудобство, о котором говорит автор, при желании легко устраняли, обливаясь рядом с печью, стоя в большой бондарной лохани.

Приготовление снадобья в печи. По мнению народных целителей, многие лекарственные средства можно было приготовить только в духовой русской печи. При этом использовался как открытый огонь, так и жар, сохраняющийся в топливнике печи в течение многих часов.

Средство от зубной боли готовили во время топки печи на открытом огне. Когда возникала необходимость приготовить такое средство, то шли в лес и срубали там осинку, толщиной примерно с руку. Затем отпиливали от ствола небольшой кругляш и сверлили коловоротом вдоль сердцевины или долбили стамеской, примерно до половины, глухое отверстие. В образовавшуюся полость насыпали поваренную соль и забивали отверстие пробкой из осиновой древесины. Препарированный та-

ким способом, обрезок осинового ствола бросали в огонь так, чтобы было удобно наблюдать за его горением. Когда осиновый ствол загорался, внимательно следили за тем, чтобы сгорал только верхний слой древесины. Как только он равномерно обугливался, головешку вынимали из огня и, положив в чугун или горшок, закрывали сверху плотно крышкой и выносили из избы. Лишенная доступа воздуха осиновая головешка постепенно гасла и остывала. Затем ее осторожно раскалывали пополам и вынимали из середины соль, пропитанную горьким осиновым соком. Готовое снадобье клали в стеклянный пузырек с широким горлышком либо в глиняную махотку, покрытую внутри глазурью. В зависимости от характера заболевания, снадобье либо клали на больной зуб, либо разводили с водой и полоскали этим раствором зубы.

Средство от боли в ушах. Порой холодный осенний ветер так надует в уши, что боль не дает человеку уснуть. В старые годы сибирские крестьяне избавлялись от такой боли довольно изящным способом. Если дело было летом или осенью, срывали один или два свежих цветка ромашки. В зимнюю пору и ранней весной такие цветки брали из засушенного букета купальских трав. Затем разрезали пополам луковицу и вынимали из нее серединку. В образовавшие углубления вкладывали цветы ромашки и, соединив половинки луковицы, крепко обматывали их суровыми нитками. Препарированную таким способом луковицу клали в *махотку,* то есть в маленький глиняный горшочек, который ставили на под печи на таком расстоянии от огня, чтобы содержимое его не подгорало. Когда луковица запекалась, ее вынимали из махотки, извлекали из ее середины цветки и, пока они еще были теплые, вкладывали их в больное ухо.

Приготовление мази от ревматизма. Конечно, лежанка русской печи прекрасно унимает многие боли. В том числе и ревматические. Но лечение ревматизма идет гораздо быстрее, если дополнительно использовать специальную мазь, приготовленную в русской печи. Во время ревматических приступов мазью натирали больные места и забирались на печку.

В небольшой глиняный горшочек клали слой сливочного масла примерно в палец толщиной, сверху насыпали слой высушенных березовых почек. Слои масла и почек чередовали до тех пор, пока не наполняли горшочек почти доверху. Затем его закрывали и зазор между ним и крышкой обмазывали вокруг густым ржаным тестом. Горшочек ставили в печь лишь только после того, как топка была закончена. В ней он должен был простоять ровно сутки (кстати, хорошая печь держит тепло около двух суток). Через сутки горшок раскрывали, выбирали из него березовые почки, выкладывали их в мешочек из марли или ряднины и отжимали оставшееся в

них масло в горшок. Оставалось только добавить в содержимое горшка немного растертой в порошок камфары (на 100 г мази требовалось примерно 1 г камфары). Готовую мазь тщательно размешивали, закрывали плотно крышкой и ставили на хранение в прохладное место.

Снадобье от водянки готовили в русской печи из корней петрушки и коровьего молока. Корни тщательно мыли, мелко нарезали и, положив в глиняную кринку, заливали коровьим молоком. Кринку ставили на ночь в русскую печь лишь только после того, как в ней спадал жар. За ночь молоко вытапливалось и густело, приобретая золотистый оттенок. Топленое молоко, которое вобрало в себя целебные вещества из корня петрушки, процеживали и переливали в стеклянную посуду. Приготовленным снадобьем поили больного в течение целого дня, давая ему по 1—2 столовых ложки через каждый час. Старые люди утверждают, что после такого лечения больной быстро шел на поправку.

Старинное средство от кашля. Его готовили в печи чаще всего специально для детей. У черной редьки ножом срезали верх, а в середине выбирали небольшое углубление, в которое доверху насыпали сахарный песок. Затем редьку закрывали срезанным верхом, прикрепляя двумя-тремя спичками. Редьку клали в небольшой горшочек, накрывали крышкой и отправляли в протопленную печь на два-три часа. Потом горшок с распаренной редькой вынимали из печи. С редьки снимали верх, перемешивали ложкой образовавшуюся внутри массу и давали больным по две чайных ложки три-четыре раза в день.

Средство от золотухи. В русской печи особенно хорошо получаются всевозможные отвары для лечебных ванн и обмываний. Постепенно распариваясь при определенной температуре, лекарственные растения максимально отдают свои целебные вещества. Например, в печи довольно часто готовили настой для обмывания детей, больных золотухой. В глиняный горлач клали примерно полфунта (200 г) молодых побегов и листьев черной смородины и заливали доверху мягкой горячей водой, взятой из речки, ручья, дождевой или снеговой. Горлач ставили в печь примерно на 2—3 часа, после чего его вынимали и, пока снадобье было теплым, обмывали им ребенка.

Профилактическое средство. В Великий четверок (четверг на Страстной неделе перед Пасхой) хозяйки не упускали случая приготовить в печи универсальное профилактическое снадобье из поваренной соли. Соль смешивали с квасной гущей в глиняной плошке и ставили в печь в стороне от огня. От высокой температуры соль превращалась в бурый комок. Пережженную соль толкли, высыпали в стеклянный пузырек или глиняный горшочек и плотно закрывали. Четверговую соль хранили в течение всего года, время от времени добавляя ее

в пищу как себе, так и домашнему скоту в качестве профилактического средства от всех болезней.

Универсальное снадобье из высевок. Перед тем как затворить тесто для выпечки хлеба, стряпуха просеивала муку через частое сито. Однако знающие хозяйки оставшиеся после просеивания муки так называемые *высевки* не отдавали, как обычно, домашним животным, а собирали в отдельную посудину. Как только высевок накапливалось достаточно много, их замешивали на воде, чтобы получилось крутое тесто. Хорошо промятое тесто раскатывали тонкой колбаской и разрезали на маленькие комочки. Затем творили молитву и сильно сжимали каждый комочек щепотью, то есть тремя пальцами. При этом каждый комочек теста приобретал своеобразную форму, напоминающую трехгранную пирамидку с вдавленными гранями. Отформованные кусочки теста раскладывали на деревянной доске и сушили под потолком на *перекрыше* печи. Когда комочки из высевок высыхали и становились твердыми, их высыпали в холщовый мешок и вешали на чердаке и при этом обращались к Горешному (так называли в некоторых губерниях России домового) с такими словами: «Бери, Горешный, да оставь нам, грешным».

В повседневной практике комочки из высевок заменяли обычные дрожжи.

Если кому-либо из домочадцев случалось заболеть, комочки из высевок использовали как лечебное средство при самых различных заболеваниях. Разведенные в воде комочки из высевок принимали внутрь при простуде и заболеваниях печени. Густую кашицу прикладывали на опухоли и плохо заживающие раны.

Лечение печной золой. В народной медицине печная зола издревле применялась в качестве лечебного средства. Средневековый врач Амирдовлат Амаснаци в медицинском трактате «Ненужное для неучей» писал о древесной золе так: «Ее сила подобна силе тех веществ, из которых она образовалась. Лучшей является *зола дуба*... Она останавливает кровь. А если просеять через тюль и пить ежедневно по утрам по 2 драма с яблочным сиропом, то поможет при болях в желудке... Если сделать примочку с *золой виноградной лозы,* то поможет при головной боли. Если вымыть ею волосы, то сделает их красными. Зола тростника помогает при сыпи в глазу... Зола виноградной лозы помогает при язвах кишечника. А если в смеси с уксусом положить на селезенку, то тоже поможет... Зола очага останавливает кровь, а если приложить ее с оливковым маслом и черным дегтем к опухоли, то вскроет ее. Зола дуба убивает вшей... *Зола смоковницы* полезна при болезни седалищного нерва».

Широко применялся в средневековой фармакопее и сваренный из золы щелок, называемый в трактате «водой золы». Амирдовлат

пишет об использовании ее в лечебных целях следующее: «Если промыть ею злокачественные язвы, то очистит их от старого мяса и поможет вырасти новому. А если ею сделать клизму, то поможет при старых язвах кишечника и уменьшит влажные выделения. Если же 8 драм смешать с небольшим количеством оливкового масла и выпить, то выведет свернувшуюся в животе кровь. И поможет при падении с высоты. Если выпить 18 драм, то остановит старый понос и поможет при язвах кишечника. Если же смешать с оливковым маслом и смазать тело, то поможет при потливости, болезни нервов и параличе. А если выпить, то поможет при звериных укусах».

Лечение печной золой также широко практиковалось на Руси, благо она всегда была под рукой в каждой избе. Например, в старинных лечебниках золой или пеплом рекомендовали лечить излом, то есть ушиб: «Аще у человека излом, еловый пепел смеси с желтком яичным прикладывай к излому...» Другой рецепт предлагает ушиб «прививать можжевеловым пеплом с яичным белком смеся вельми добро». Но зола золе рознь, если приходилось лечить болезни глаз, то предпочтительно было ее получать из *терна:* «Егда бельмо на оце, терние из лесу нажещи, пеплом посыпай, то и лакомство...»

У деревенских знахарок печная зола была излюбленным средством при лечении детских болезней. При этом они не удовлетворялись золой от какого-нибудь одного дерева или одной печи. Если ребенок часто капризничал и плакал, его окатывали водой, настоянной на золе, которая была собрана из трех печей: избяной, горничной и банной.

Для лечения более сложной болезни, так называемой стени (детской дряхлости), золу нужно было собирать уже из семи печей. Разумеется, в одном подворье столько печей не набиралось, поэтому за золой шли к соседям. Видимо, золу собирали из нескольких печей не только ради того или иного магического числа, но и по причине, имеющей определенное практическое значение для усиления лечебного воздействия. Ведь в одних домах печи топили только березовыми дровами, в других их сочетали с осиновыми, ольховыми, сосновыми и еловыми. Те же, кто победнее, чуть ли не всю зиму жгли в печах ивовый бурелом, хворост и все, что придется, порой солому, льняную и конопляную кострику. Поэтому и зола в каждой печи имела свой неповторимый состав. Смешивая вместе золу от многих печей, знахари получали порошок, содержащий целый букет минеральных солей. Подобным же образом поступали и травознаи, которые, желая увеличить лечебный эффект растений, составляли лекарственные сборы из нескольких трав. Собранную золу тщательно перемешивали в горшке или корчаге и оставляли на шестке до поры до времени.

Затем ребенка купали, но не в простой воде, а собранной из девяти рек. Но поскольку столько рек не

всегда набиралось в ближайших окрестностях, то допускалось брать воду из девяти колодцев. Когда купание заканчивалось, ребенка не обтирали, как обычно, полотенцем, а, посыпав золой, пеленали в чистую холстину и укладывали спать на теплую печь.

Как лекарственное средство золу нередко применяли в сочетании с солью. Например, при болезни горла брали щепоть золы и, смешав ее со щепотью соли, тщательно перетирали. Затем смочив палец в воде, опускали его в порошок, а прилипшие частицы соленой золы наносили на воспаленные гланды. Эту процедуру через определенные промежутки времени повторяли до тех пор, пока не наступало облегчение.

Лечение болей в животе соленой золой, а также печью с горячим ржаным хлебом очень красочно описал в рассказе «Петербургский дворник» В.И.Даль: «На другое утро Иван и Григорий опять поздоровались через улицу с метлами в руках.

— Что ты? Аль неможешь?

— Нет, что-то плохо; через силу хожу — так и подводит живот.

— А ты бы натощак квасу с огурцами поел, посоливши хорошенько.

— Нет, я уж вот золы с солью выпил; авось отпустит.

Но, видимо, от золы с солью не совсем отпустило; Григорий пошел к лекарю своему, к лавочнику, и просил помощи. Тот, узнав главнейшие обстоятельства, положил Григория у себя на печь, велел ему лечь плотнее животом на горячий ржаной хлеб; накрыл больного тулупом, дал ему выпить чего-то горячего и к обеду поставил на ноги».

Лечение древесным углем. Иногда крестьянские дети любили жевать и даже есть древесный уголь. Вынут из печи или утюга остывший уголек — и за щеку. Вроде бы и не очень-то вкусно, а все же ели, получая от этого какое-то непонятное удовольствие. Видимо, крестьянские дети интуитивно чувствовали полезность этого вещества, и, возможно, тяга к нему возникала чаще всего при расстройствах пищеварения. Им было невдомек, что древесный уголь уже давно использовался в медицине как эффективное лечебное средство. Он не только благотворно действует на пищеварение, но и очищает зубы, устраняя дурные запахи изо рта. Недаром древесный уголь использовался при производстве отличного зубного порошка, а также специальных пилюль и таблеток. Особо ценным для медицинских целей считался уголь, полученный из древесины липы. Недаром липовый уголь входил в I—VII издания Российской фармакопеи. Он назначался при отрыжке, метеоризме, дизентерии, диарее (поносе), туберкулезе легких и горла.

Разумеется, в народной медицине древесный уголь находил такое же применение. Кроме того, опытные хозяйки всегда держали рядом с печью на всякий случай толченый уголь. Если вдруг случалось, что она или кто-нибудь из домочадцев обожжет, скажем, руку или ногу, то обожженное место смачивали водой и посыпали толченым углем. Через час-другой краснота

спадала, а боль постепенно утихала. Более эффективным был компресс из угольного порошка, смешанного с тертым картофелем.

Лечение опечиной. Не только уголь и зола, но даже опечина, или печина (пережженная глина, находившаяся в печной кладке между кирпичами) применялась в народной лечебной практике. Опечину перетирали в мелкий порошок, ссыпали в глиняный кувшин, плотно закрывали и хранили до поры до времени. Перед употреблением ее заваривали кипятком и давали пить при лихорадке. Если у грудного ребенка появлялись опрелости, их тут же присыпали просеянной опечиной, и болезненное раздражение кожи довольно быстро исчезало.

Лечение дымом. То, что дым сжигаемых растений может оказывать лечебное воздействие не только при окуривании помещения, но и при вдыхании (ингаляции), было хорошо известно врачевателям древней Руси.

Самым простым древнейшим ингалятором, с помощью которого получали дым с определенными лечебными свойствами, был обычный печной кирпич.

Еще в XIX веке на русском Севере дым применяли при лечении зоба (базедовой болезни). Пользоваться кирпичом-ингалятором можно было только в то время, когда топилась печь. От других кирпичей он отличался тем, что в середине имел небольшую лунку, в которую сыпали измельченные лечебные травы. Кирпич клали на под горящей печи и раскаляли чуть ли не докрасна. Затем осторожно вынимали и укладывали на двух холодных кирпичах, поставленных ребром на столе или на скамье. На раскаленный кирпич сыпали измельченную траву, которая тут же начинала тлеть, источая густой ароматный дым. Больной наклонялся над кирпичом и втягивал в себя дым, поднимающийся от травы. Чтобы дым подольше не рассеивался, сверху на голову больного набрасывали плотную ткань. Лечение серьезных болезней чаще всего проводилось под присмотром знахаря-травозная. Но такие болезни, как насморк и ангину, обычно лечили самостоятельно. При этом в лунку раскаленного кирпича сыпали обычную луковую шелуху. Кое-где и сейчас ингаляцию охотно применяют в сочетании с другими лечебными средствами.

«ХОРОШО ЛЕЖАТЬ НА ПЕЧКЕ...»

Уж так в деревнях было заведено. Если войдет человек в избу и увидит, что хозяин средь бела дня лежит на печи, то обязательно скажет такую присказку: «Хорошо лежать на печке — ножки в тепленьком местечке». На эту реплику хозяин с печки отвечал при-

мерно так: «А то как же, истинный рай!» С этой зацепки и начинался разговор. Как бы оправдываясь за то, что средь бела дня оказался на печке, хозяин начинал рассказывать, например, о том, как «наломал кости», работая в лесу на заготовке дров, как потом намерзся. А после такой работы почему бы не погреться на печке. Достаточно было полежать на печи хотя бы часок, чтобы усталость сняло как рукой. За стеной воет вьюга, а здесь тепло и уютно. Недаром в народе говорили: «На печи и зимой красное лето». Неспроста, описывая теплый майский вечер, С. Есенин вспомнил русскую печку:

Хорошо и тепло,
Как зимой за печкой.
И березы горят,
Как большие свечки.

В зимнюю стужу русская печь с лежанкой, удлиненной специальными деревянными полатями, — это райский уголок в избяном миру. Уже в октябре, когда солнце светит, но не греет, а на дворе все чаще и чаще морозные утренники, печка начинает притягивать к себе как магнит. Между тем в народе говорят: «В октябре с солнцем распрощайся и ближе к печи подбирайся».

Притягательная сила русской печи отразилась в многочисленных пословицах и поговорках: «Хлебом не корми, только с печи не гони»; «Хоть три дня не есть, лишь бы с печи не лезть»; «Как ни мечи, а лучше на печи». И оказывается, что есть только одна-единственная сила, способная согнать с печи пригревшегося на ней человека. В пословице об этой силе говорится так: «Придет счастье и с печи сгонит».

Только тот, кому приходилось осенним или зимним вечером, намерзнувшись за день, забраться на лежанку русской печи, мог в полной мере оценить все ее достоинства. Одним из тех, кто оценил русскую печь, был писатель Ю. Нечипоренко. Ей он посвятил такие вдохновенные строки: «...почему, думаете, в русской сказке Иванушка-дурачок — герой? Потому что он на печи лежал и медитировал до такого совершенства, что ему любая задача была потом нипочем. Надо, скажем, щуку из проруби выдернуть, Конька-Горбунка приструнить или царицу обаять — так он в два счета все сделает, почти не слезая с печи. Потому что только глупые думают, что он там на печи балдел — он там очень продуктивно медитировал. Я сам этого не понимал, пока не попал в хорошую избу с тремя печами во Владимирской области. Так я вам скажу, когда вечером на одну печь залезешь, растянешься как следует — чувствуешь, как твою спину тепло согревает, все ее морщинки разглаживаются, запасается в ней энергия березовых поленьев — в позвоночник входит, косточки теплом моет... Это, понимаете ли, такой поток пран и брахм, что никакая медитация в подметки не годится, потому что чуешь, словно дует тебе в спину теплый ветер, поднимает вверх, будто спина твоя — это огромный парус, и вот ты

летишь уже в струях на своей спине, как на ковре-самолете, и привольно и ласково от тепла этого и от свободы расправить спину и полететь, в то время как за окном серенький вечер, и дождь сечет в стекло, и скука смертная, а ты паришь, летаешь, и сны приходят к тебе, грезы, и гадать начинаешь, ворожить о судьбе...»

Провожая человека в дальнюю дорогу, в старину говорили: «Одевайся потеплее, с печным теплом в дорогу не ездят». Однако сказочный печушник-лежебока Емеля-дурак опроверг эту истину, превратив русскую печь в комфортабельное по тем временам средство передвижения: и слезать с печи перед дорогой не надо, и тепло печное с тобой. Достаточно было только сказать: «По щучьему велению, по моему прошению, печка, ступай к царю!» Справедливости ради надо сказать, если сказочный ковер-самолет был предтечей современных воздушных лайнеров, то печь, на которой Емеля ездил на аудиенцию к царю, следует считать предшественницей паровозов и современных экспрессов.

Что и говорить, каждый не откажется погреться на печке, коли представится такая возможность. Даже не терпящая русского духа Баба Яга, не прочь была погреть свои косточки на русской печи. В одной народной сказке Иван-царевич вошел в избушку на курьих ножках и увидел такую картину: «На печи лежит Баба Яга — Костяная нога, нос уперла в потолок и кричит оттуда: «Что здесь русским духом пахнет?» Он ей и кричит: «Вот я тебя, старую чертовку, ссажу с печки!» Она соскочила с печки, Ивана-царевича накормила, напоила и спать положила». В сказке не сказано, где Баба Яга уложила спать доброго молодца. Но, думается, вряд ли она могла уступить ему место на обожаемой ею печи.

Бывали случаи, когда преимущества русской печи неожиданно признавались ее недоброжелателями. Об этом мне рассказал пожилой крестьянин: «Случай этот произошел во время оккупации немцами Смоленщины. Когда они вошли в деревню, то стали распихивать солдат и офицеров по избам. К нам подселили какого-то очкастого, вроде бы офицера. Я в их чинах не шибко разбираюсь. В избе нас проживало пятеро: трое ребятишек да дед с бабушкой. Немец оказался очень важным, на все морду морщит и носом брезгливо по углам водит.

— Чем обогреваетесь? — спрашивает он деда.

— Как чем, — отвечает дед, а сам чело русской печки поглаживает, — вот она, родимая, всех нас и греет и кормит.

— фу, — говорит офицер, — эта печка для Ванюшки-дурака!

На другой день приволокли двое солдат чугунную печку. Установили ее за перегородкой и подвели к ней от самоварной вьюшки через всю избу железную трубу. Дровец в нее понабросали, подожгли, и она пошла гудеть как

самовар. Быстро жару нагнала. Немец радуется. Так и пошло. Утром солдаты дров принесут и топят печь, пока офицер завтракает. А как все они уйдут, мы тут же русскую печь затапливаем. Вечером солдаты опять дров принесут из нашего дровника и топят чугунку до тех пор, пока офицер не ляжет спать.

Так и жили. Мы всей гурьбой кто где: бабушка с нами у печи на полатях, а дедушка на печке. Немец на железной койке за перегородкой похрапывал. Под утро встанет, дрожит и, не дожидаясь солдат, говорит:

— Затапливай, дед, быстрее печь.

И снова гудит чугунка, пока он не уйдет. Так жили до тех пор, пока не ударили на дворе лютые морозы. Днем еще терпимо, а вот ночью даже деревья за окном от холода растрескиваться стали. Да так громко, что немцы сначала подумали на партизан, но потом успокоились. Только мороз им все равно покою не давал. Нам-то что, деду на печи тепло, да и мы на полатях не горюем, правда, только ближе к печке жмемся. А немец внизу на своей железной койке кряхтит да с боку на бок переворачивается.

Как-то раз случилось, что дедушке среди ночи вдруг приспичило. Он слез с печки — полушубок на плечи, ноги в валенки и на двор. Когда вернулся в избу, сунулся на печку, а оттуда на него гер-офицер как зыкнет. Делать нечего, лег он внизу на лавку. Хоть на лавке не то, что на печке, да и насиженное место жалко, а все же (как потом говорил нам дедушка) гордость за свою печку, которая передюжила чугунную ветродуйку, примирила его с таким сиротским положением. Утром, как только немец слез с печки, бабушка возьми да и спроси его:

— Как, батюшка, спалось?

А немец отвечает:

— Ванюшка-дурак — хитрый дурак.

— Может, батюшка, в печи попариться желаешь?

— А как это можно?

Тут ему и рассказали, как в русской печи вместо бани можно мыться и париться. Он удивился, однако попробовать сам не захотел. С тех пор так и повелось, как сильный мороз, он — шасть на печку. Да слава богу, что он слишком поздно печку оценил. Наши к тому времени пошли в наступление. Немцы удрали так быстро, что второпях даже деревню нашу спалить не успели».

Хотя теплая лежанка русской печи была в крестьянской семье по душе каждому домочадцу, все же основное право лежать на ней принадлежало старикам и детям. О людях пожилых так и говорили: «И по летам и по годам одно место: печь»-.

Молодых наставляли: «Корми деда на печи: сам там будешь». А осенью, когда только начинали топить печи, домочадцы незлобно шутили, что бабушка с дедушкой на зиму печь межуют.

Детишкам всегда находилось место на печи даже среди бела дня.

Не было ничего лучшего, как, вернувшись с улицы, забраться на печь к бабушке или дедушке, как об этом написал поэт XIX века И. Сурков:

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить,
Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет...

Сказки, рассказанные бабушкой или дедушкой на печи, глубоко входили в детское сознание, формируя поэтическое восприятие мира. Немало русских поэтов считали русскую печь своей поэтической колыбелью, кораблем, плывущим по волнам воображения. По этому поводу известный современный поэт Н.Тряпкин написал такие строки:

Ах ты, бабка Настасья!
Что было бы нынче со мною,
Если бы в детстве своем
Я не видел, старушка, тебя?
Вспоминаются долгие зимы,
Покрытые снежною мглою,
И твое воркованье
У печного того корабля...

Мы с тобой на печи —
И сладки нам любые морозы,
И любая метель за стеной
Навевает блаженные сны.
Да к тому ж еще кот,
Без единой крупиночки прозы,
Между нами урчит
Про кошачьи свои старины.

И уж если теперь
Мои песни хоть что-нибудь значат,
И уж если теперь я и сам
Хоть на что-то гожусь —
Ах, всему тому корень
Тогда еще, бабушка, начат —
Там у нас на печи,
По которой и ныне томлюсь.

Бывало, что среди бела дня забиралась на печку погреться молодуха. Но не только погреться, а заодно сделать в тепле какую-либо несложную женскую работу. Бывало, что нужно было, например, довязать носок или заштопать порвавшуюся одежонку, а где надо и заплатку наложить. Но лежанка русской печи, особенно в морозные и ненастные дни, место опасное — того и гляди можно незаметно задремать. Недаром была широко известна поговорка: «Рукодельница Софья на печи засохла». И вот, чтобы не случилось конфуза, крестьянки Калужской губернии напевали песенку вроде этой:

На печке сижу,
Посиживаю.
Ой люли, люли,
Посиживаю.
Ой люли, люли,
Приплачиваю.
Мужа все браню,
Прибраниваю...

Перейти к содержанию *Перейти к следующим страницам*